

- [Рембо Артур](#)

-

Рембо Артюр

Стихи

Артюр Рембо

Стихи

* СТИХОТВОРЕНИЯ 1869 ГОДА. *

Подарки сирот к Новому году

I

Мглою комната полна, и осторожно в ней Звучит шушуканье печальное детей. Две детских головы за занавеской белой, От грез отяжелев, склоняются несмело. Снаружи стайка птиц друг к другу зябко льнет, И крылья не влекут их в серый небосвод; Проходит Новый год со свитою туманной; Влача свой снежный плащ и улыбаясь странно, Он плачет и поет, охвачен дрожью он.

II

Как будто окружил их мрак со всех сторон, Как будто ночь вокруг, два малыша смолкают И словно голосу далекому внимают, И часто вздрагивают, слыша золотой Предутренний напев, что в шар стеклянный свой Стучит и вновь стучит, отлитый из металла. Промерзла комната. Валяются устало Одежды траурные прямо на полу; Врывается сквозняк в предутреннюю мглу, Своим дыханием наполнив помещенье. Кто здесь отсутствует? -- вы спросите в смущенье. Как будто матери с детьми здесь рядом нет, Той, чьи глаза таят и торжество и свет. Забыла ли она вечернюю порою Расшевелить огонь, склонившись над золою? Забыла ли она, свой покидая дом, Несчастных малышей укрыть пуховиком? Неужто не могла их оградить от стужи, Чтоб ветер утренний к ним не проник снаружи? О греза матери! Она, как пух, тепла, Она -- уют гнезда, хранящего от зла Птенцов, которые в его уединенье Уснут спокойным сном, что белых полн видений. Увы! Теперь в гнезде тепла и пуха нет, И мерзнут малыши, и страшен им рассвет; Наполнил холодом гнездо суровый ветер...

III

Теперь вы поняли: сироты эти дети. Нет матери у них, отец их далеко, И старой женщине-служанке нелегко Заботиться о них. Одни в холодном зданье Они встречают день. И вот у них в сознание Воспоминания теснятся, и опять, Как четки, можно их весь день перебирать. Чудесен был рассвет, суливший им подарки! А ночью были сны таинственны и яркие, И каждый, что хотел, то и увидел в них: Игрушки, сладости в обертках золотых; И в танце это все кружилось и сверкало, То появлялось вновь, то снова исчезало. Как было весело, проснувшись в ранний час И протерев глаза, почувствовать тотчас Вкус лакомств на губах... Уж тут не до гребенки. День праздничный пришел -- и вот горят глазенки, И можно босиком направиться к дверям Родителей, вбежать в их комнату, а там Уж поцелуи ждут, улыбки, поздравленья, И ради праздника на радость разрешенье.

IV

О, сколько прелести в словах таилось их! Как изменилось все в жилище дней былых! Потрескивал огонь, горя в камине жарко, И комната была озарена им ярко, И отблески огня, то дружно, то вразброд, По лаку мебели водили хоровод. А шкаф был без ключей... Да, без ключей... Как странно! К себе приковывал он взгляды постоянно, Он заставлял мечтать о тайнах, спящих в нем, За дверцей черною, что заперта ключом; И слышался порой из скважины замочной Какой-то смутный гул во мгле его полночной. Сегодня комната родителей пуста, Луч света под дверьми сменила темнота, Нет больше ни ключей, ни жаркого камина, Ни поцелуев

нет, ни шалости невинной. О, новогодний день печально встретит их! И слезы горькие из глаз их голубых На щеки падают, и шепот раздается: "Когда же мама к нам издалека вернется?"

V

В дремоту малыши погружены сейчас. Вам показалось бы, что и во сне из глаз Струятся слезы их... Прерывисто дыханье... Ведь сердцу детскому так тягостно страданье! Но ангел детства стер с ресниц их капли слез, И сны чудесные двум детям он принес, И столько радости в тех сновиденьях было, Что лица детские улыбка озарила. Им снится, что они, на руку опершись И голову подняв, глазенками впились В картину розового рая: он пред ними Играет радужными красками своими. В камине, весело горя, огонь поет... Виднеется в окне лазурный небосвод... Природа, пробудясь, от солнца опьянела... Земля, его лучам свое подставив тело, Трепещет, чувствуя их поцелуев жар... А в доме -- свет, тепло... Развеялся кошмар... Не видно на полу одежды этой черной... Злой ветер перестал выть у дверей упорно... И словно властвует здесь воля добрых фей... Крик рвется из груди двух радостных детей... Вот материнская кровать... Там что-то блещет, На ярком серебре луч розовый трепещет, И украшения сверкают и горят, Мерцает перламутр и рядом с ним гагат; И там на золоте начертаны упрямо Слова заветные, слова "ДЛЯ НАШЕЙ МАМЫ!"

[Декабрь 1869]

* СТИХОТВОРЕНИЯ 1870 ГОДА *

Первый вечер

Она была полураздета, И со двора нескромный вяз В окно стучался без ответа Вблизи от нас, вблизи от нас.

На стул высокий сев небрежно, Она сплетала пальцы рук, И легкий трепет ножки нежной Я видел вдруг, я видел вдруг.

И видел, как шальной и зыбкий Луч кружит, кружит мотыльком В ее глазах, в ее улыбке, На грудь садится к ней тайком.

Тут на ее лодыжке тонкой Я поцелуй запечатлел, В ответ мне рассмеялась звонко, И смех был резок и несмел.

Пугливо ноги под рубашку Укрылись: "Как это назвать?" И словно за свою промашку Хотела смехом наказать.

Припас другую я уловку: Губами чуть коснулся глаз; Назад откинула головку: "Так, сударь, лучше... Но сейчас

Тебе сказать мне что-то надо..." Я в грудь ее поцеловал, И тихий смех мне был наградой, Добра мне этот смех желал...

Она была полураздета, И со двора нескромный вяз В окно стучался без ответа Вблизи от нас, вблизи от нас.

1870

Предчувствие

Глухими тропами, среди густой травы, Уйду бродить я голубыми вечерами; Коснется ветер непокрытой головы, И свежесть чувствовать я буду под ногами.

Мне бесконечная любовь наполнит грудь. Но буду я молчать и все слова забуду. Я, как цыган, уйду -- все дальше, дальше в путь! И словно с женщиной, с Природой счастлив буду.

Март 1870

Кузнец

Дворец Тюильри, 10 августа 92 г.

С огромным молотом в натруженных руках, Хмельной, величественный, нагонявший страх, Порой хохочущий, как бронзовые трубы, С высоким лбом кузнец, разглядывая грубо Людовика, вступил с ним в разговор. Народ Их окружал в тот день, сновал он взад-вперед, Одеждой

грязною касаясь позолоты, И бледен был король, как будто от дремоты Очнувшись, эшафот увидел пред собой. Покорный, словно пес, с поникшей головой, Не шевелился он: кузнец широкоплечий Такие знал слова, такие вел он речи, Что все оборвалось в груди у короля.

"Ты, сударь, знаешь сам: мы пели тра-ля-ля, Гоня чужих волов на борозды чужие. Перебирал аббат монеты золотые Молитв, нанизанных на четки. А сеньер Победно в рог трубил, скача во весь опор. Один хлыстом нас бил, другой грозил пеньковой Веревкой. И глаза у нас, как у коровы, Глядели тупо и не плакали. Мы шли, Все дальше, дальше шли. Когда же грудь земли Плуг перепахивал, когда мы оставляли В ней нашу плоть и кровь, то нам на чай давали: Лачуги наши жгли! У этого костра Могла себе пирог спечь наша детвора. О! Я не жалуясь. Все эти рассужденья От глупости моей. Предвижу возрожденья. Не радостно ль смотреть, как с сеном полный воз В июне катится к амбару? Как принес Прохладу летний дождь и как в саду и в поле Благоухает все? Ну разве плохо, что ли, Глядеть, как колос твой наполнился зерном, И думать: из зерна хлеб выпекут потом? А если сила есть, то место есть у горна: Там молотом стучи и песню пой задорно, Была ы уверенность, что и тебе пошлет, Хотя бы толику, бог от своих щедрот... Короче говоря, старо все это дело!

Но знаю я теперь: мне это надоело! Когда есть две руки и голова притом, Приходит человек с кинжалом под плащом И говорит тебе: "Вспаши мне землю, мальй!" А началась война -- и снова, как бывало, К тебе стучатся в дверь: "Дать сына нам изволь!" Я тоже человек, но если ты король, Ты скажешь: "Так хочу!" И слышать это тошно. Уверен ты, что мне твой балаган роскошный Приятно созерцать, а в нем вояк твоих, Толпу бездельников в мундирах золотых, Что пахнут свежестью (то наших дочек запах), Приятно созерцать ключ от тюрьмы в их лапах. Смиритесь, бедняки! Во всем король наш прав! Позолотим твой Лувр, гроши свои отдав! Ты будешь сыт и пьян. Мы тоже не в обиде: Смеются господа, у нас на шее сидя!

Нет! Эти мерзости старее всех морщин. Народ не шлюха вам. Всего-то шаг один -И вот Бастилию мы в мусор превратили. Все камни у нее от крови потны были, И тошно было нам смотреть, как вознеслись Ее облезлые глухие стены ввысь И, как всегда, их тень нас покрывает мглою. Да, гражданин, в тот день ужасное бывшее Хрипело, рушилось, когда те стены в прах Мы обратили вдруг. Любовь у нас в сердцах Таилась. Сыновей к груди мы прижимали. И ноздри у людей, как у коней, дрожали. Могучи и горды, мы шли на шум тюрьмы; В сиянье солнечном шли по Парижу мы, И наших грозных блуз никто не сторонился. Людьюми почувствовали мы себя! Струился У нас по жилам хмель надежды. И бледны Мы были, государь. Когда же у стены Тюремной собрались с оружием наготове, Не знали ненависти мы, ни жажды крови; Мощь осознав свою, решили: гнев угас.

Но после дня того как бес вселился в нас! На улицу поток рабочих хлынул, тени Сливались и росли, шли толпы привидений К жилищам богачей, к воротам их дворцов. Я тоже с ними шел, чтоб убивать шпииков, Я весь Париж прошел, таща с собою молот, И что ни улица -- то череп им расколот. Засмейся мне в лицо -- я и тебя убью... Король, считать учись, не то казну свою На адвокатов всю истратишь без остатка! Мы просьбы им несем -- они их для порядка Берут и говорят: "Какие дураки!" Законы стряпая, кладут их в котелки И варят неспеша, добавив к ним приправы; А подать новую придумав для забавы, Нос затыкают свой, когда встречают нас, Им, представителям народным, режет глаз Наш неопрятный вид! Штыки страшат их только. Ну что ж! К чертям их всех! Теперь понять изволь-ка, Что сильно надоел нам этот пошлый люд. Так значит вот каких ты нам настряпал блюд, В то время как наш гнев, сметая все препоны, Уже обрушился на митры и короны!"

Тут бархат он с окна сорвал и короля Заставил глянуть вниз: была черна земля От толп, кишевших там, от толп, чей вид был страшен; Там словно океан ревел, и выше башен Вздымался этот рев; там блеск железных пик И барабанов дробь, лачуг и рынков крик В один поток

слились, и в том водовороте Кровь красных колпаков окрасила лохмотья. Вот что показывал в открытое окно Он королю. В глазах у короля темно, Он бледен, он дрожит... "Сир, это чернь толпится, Кишит, вздымается -- куда от них укрыться? Сир, нечего им есть, их нищими зовут. Там и жена моя, а я, как видишь, тут. Здесь хлеба в Тюильри жена найти хотела! Пекарни заперты: до нас ведь нет им дела. Мне трех детей кормить... Мы чернь... Я знал старух С глазами мертвыми. Да! Взгляд у них потух, Когда их сына или дочь у них забрали. Знал человека я: в Бастилии держали Его годами. Был на каторге другой. И оба без вины страдали. А домой Вернулись, им в лицо швыряли оскорбления. Вот так их довели до белого каленья! И не стерпев клейма, не сбросив тяжесть пут, Сюда они пришли и под окном ревут. Чернь! Девушек в толпе ты разглядел? Позорно Их обесчестили: ведь твой любой придворный (Не стойки женщины, такой у них уж нрав) Мог позабавиться, им в душу наплевав. Красотки ваши здесь сегодня. Чернь все это!

О, Обездоленные! Вы, кому с рассвета Под солнцем яростным гнуть спину, вы, кому Работа тяжкая сулит лишь боль и тьму... Снять шапки, буржуа! Эй, поклонитесь Людям! Рабочие мы, сир! Рабочие! И будем Жить в новых временах, несущих знания свет. Да! Стуком молота приветствуя рассвет, Откроет Человек секрет причин и следствий, Стихии усмирят, найдет истоки бедствий И оседлает Жизнь, как резвого коня. О горн пылающий! Сверкание огня! Исчезнет зло! Навек! Все то, чего не знаем, Мы будем знать. Подняв свой молот, испытаем То, что известно нам! Затем, друзья, вперед! Волнующей мечты увидим мы восход, Мечты о том, чтоб жить и ярко и достойно, Чтоб труд был озарен улыбкою спокойной Любимо женщины, забывшей слово "грязь", И чтобы, целый день с достоинством трудясь, Знать: если Долг завет, мы перед ним в ответе. Вот счастье полное! А чтоб никто на свете Не вздумал нас согнуть иль наградить ярмом, Всегда должно висеть ружье над очагом.

Наполнил запах битв весь воздух, всю природу. О чем я говорил? Принадлежу я к сброду! Еще живут шпики и богатеет вор... Но мы -- свободные! И есть у нас террор: Мы в нем воистину велики! Вел я речи Здесь про высокий долг, о жизни человеческой... Взгляни на небосвод! -- Для нас он слишком мал, Нам было б душно там и тесно! Я сказал: Взгляни на небосвод! -- Опять в толпу уйду я. Великий этот сброд собрался, негодуя, И тащит пушки он по грязным мостовым... О! Кровью пролитой мы их отмывать хотим. И если наша месть и крик негодованья У старых королей вдруг вызовет желанье Своими лапами швырнуть огонь и гром На Францию -- ну что ж! Расправимся с дерьмом!"

Он вскинул на плечо свой молот. Смерил взглядом Толпу огромную, которая с ним рядом Хмелела, и тогда по залам и дворам, Где бушевал Париж, где задыхался, -- там Вдруг трепет пробежал по черни непокорной: Кузнец своей рукой великолепно черной, Хоть потом исходил пред ним король-толстяк, Швырнул ему на лоб фригийский свой колпак.

Солнце и плоть

I

Источник нежности и жизни, Солнце властно Льет жаркую любовь на грудь земли прекрасной; И, лежа на лугу, вы чувствуете вновь, Что расцвела земля и что бурлит в ней кровь, Что дышит грудь ее, когда вы к ней прильнете; Она, как женщина, сотворена из плоти, Как бог, полна любви; и соками полна, Таит кишение зародышей она.

Все зреет, все растет!

Венера! Юность мира! Я сожаленья полн о временах Кибелы, Что больше фавнов нет, похожих на зверей, Богов, которые грызут кору ветвей И белокурых нимф целуют среди лилий. Я сожаленья полн, что минул век сатира, Под взглядом радостного Пана соки всей Вселенной -- воды рек, кровь листьев и корней; Когда дрожала под стопой его козлиной Земля зеленая и лился над долиной Из сладостной его цевницы гимн любви. Прислушивался Пан и слышал, как

вдали Его призыву вся Природа отвечала, И роща на ветвях поющих птиц качала, Земля баюкала людей, и всем зверям Любовь, всесильный бог, свой открывала храм. Я сожаленья полн о днях, когда бурлили [?] Которая неслась на колеснице белой, Сверкая красотой средь блеска городов; Жизнь вечная лилась из двух ее сосцов, Струями чистыми пространство наполняя; К ее святой груди блаженно припадая, Был счастлив Человек, и так как сильным был, Он целомудрие и доброту хранил.

О горе! Он теперь твердит: "Мне все известно". А сам и слеп и глух. Исчезли повсеместно Все боги. Нет богов. Стал Человек царем, Стал богом. Но любовь уже угасла в нем. О, если бы опять к твоим сосцам посмел он Припасть, о мать богов и всех людей, Кибела! О, если б не забыл Астарту навсегда, Богиню, что могла в минувшие года Из волн возникнуть вдруг, окутанная пеной, Сверкая красотой, извечной и нетленной, И черных глаз ее победоносный взор Будил в душе любовь, а в роще -- птичий хор.

II

Я верю лишь в тебя, морская Афродита, Божественная мать! О, наша жизнь разбита С тех пор, как бог другой нас к своему кресту Смог привязать. Но я... я лишь Венеру чту. Уродлив человек, и дни его печальны, Одежду носит он, поскольку изначальной Лишился чистоты. Себя он запятнал, И рабству грязному одеть оковы дал На гордое свое, божественное тело. На тьму грядущую взирая оробело, Он хочет одного: и после смерти жить... А та, в которую всю чистоту вложить Стремилась мы, чтоб в ней плоть наша стала свята, Та, что смогла наш дух, смятением объятый, Любовью озарить, чтоб из земной тюрьмы Однажды вознеслись к сиянию света мы, - Отвыкла Женщина быть куртизанкой даже! "Какой печальный фарс!" -- с усмешкой горькой скажет Мир, помнящий богинь святые имена...

III

О если бы вернуть былые времена! Да! Кончен человек! Им сыграны все роли! Но, идолов разбив при свете дня и воли, Отвергнув всех богов, он оживет опять. Сын неба, будет он секреты постигать Небес и мудрости, проникнет в их глубины, И бог, что в нем живет под слоем плотской глины, Ввысь устремится, ввысь, пожаром озарен! Когда увидишь ты, что иго сбросил он И в небеса проник, и страха в нем -- ни тени, Даруешь ты ему святое Искупленье! Великолепная, из глубины морей Возникнешь ты, сверкнув улыбкою своей; И бесконечную любовь даруя миру, Ты трепетать его заставишь, словно лиру, Когда твой поцелуй, дрожа, нарушит тишь.

Как жаждет мир любви! Ты жажду утолишь.

И гордо Человек главу поднимет снова! Луч дверней красоты, вдруг разорвав оковы, Храм плоти озарит и в трепет приведет В нем бога спящего... Очнувшись от невзгод, Счастливый Человек все знать и видеть хочет. Мысль, словно резвый конь, что был во власти ночи, Освободясь от пут, бросается вперед, Мысль, став свободною, на все ответ найдет. Зачем и почему пространство бесконечно, И звезды -- как песок, и Путь сверкает Млечный? И если ввысь лететь все время -- что тогда? И гонит ли Пастух огромные стада Миров, блуждающих средь ужасов пространства? И все эти миры хранят ли постоянство В их отклике на звук извечных голосов? А смертный человек? Что видеть он готов? И голос разума -- не просто ль плод мечтанья? Коль жизнь так коротка, откуда в мирозданье Явился человек? Не погрузится ль он В глубокий Океан, где будет окружен Зародышами, эмбрионами, ростками? И в том горниле, где всегда бушует пламя, Не воскресит ли вновь его Природа-Мать, Чтоб в травах и цветах ему произрастать?

Нет, знать нам не дано! Химеры и незнанье Отягощают нас. Глядя на мирозданье, Нам бесконечности не довелось постичь. Над нами вознесло Сомнение свой бич, Оно нас бьет крылом, кружа зловещей птицей, И вечно горизонт бежит и хочет скрыться.

Открыты небеса! И тайны все мертвы Пред тем, кто не клонил покорной головы! Стоит он, окружен сверканием Природы, И песнь поет... Леса поют, струятся воды, Чей радостный напев приветствует восход... То Искупление! Любовь, любовь грядет!

IV

О, плоти торжество! О, праздник идеальный! О, шествие любви дорогой триумфальной! Склонив к своим ногам героев и богов, Они, несущие из белых роз покров, Малютки Эросы и Каллипига с ними, Коснутся женщин вдруг коленями своими... О Ариадна, чьи рыдания слышны На тихом берегу, когда из-за волны Мелькает вдалеке Тезея парус белый! О девушка-дитя, не плачь! Взгляни, как смело Вакх с колесницею своею золотой, Влекомой тиграми, что похотью слепой Объяты, рыжими пантерами влекомой, Несется вдоль реки, дорогой незнакомой... Европу голую Зевс, превратясь в быка, Качает, как дитя, и белая рука За шею трепетную бога обнимает; Он, среди волн плывя, на деву обращает Свой помутневший взор; к теплу его чела Льнет девичье лицо; ей очи застит мгла, Когда сливаются их губы в поцелуе; И пеной золотой вокруг сверкают струи... Средь пышных лотосов скользя по лону вод, Влюбленный Лебедь вдаль задумчиво плывет И белизной крыла объемлет Леду страстно... Киприда шествует, немыслимо прекрасна; И, стан свой изогнув, она в который раз Не прячет грудь свою от посторонних глаз, Ни золотистый пух под чревом белоснежным... Геракл на мощный торс движением небрежным Накинул шкуру льва и грозный вид обрел, А над его челом сверкает ореол...

Луною летнею озарена Дриада; Она обнажена, волос ее прохлада На плечи падает тяжелою волной; Погружена в мечты, на небосвод немой С поляны сумрачной она глядит устало... Селена белая роняет покрывало К ногам прекрасного Эндимиона вдруг И льнет к его устам, скрывая свой испуг... Вдали ручей поет, и плачет, и рыдает; То Нимфа нежная печально вспоминает О юноше, чья жизнь волной унесена... Любовным ветром ночь отторгнута от сна, И в рощах и лесах священных, где объяты Деревья ужасом, где все покровы сняты И мрамор дал приют пугливым снегирям, -Внимают боги Человеку и мирам.

Май 70

Офелия

I

По глади черных вод, где звезды задремали, Плывет Офелия, как лилия бела, Плывет медлительно в прозрачном покрывале... В охотничьи рога трубит лесная мгла.

Уже столетия, как белым привиденьем Скользит Офелия над черной глубиной, Уже столетия, как приглушенным пеньем Ее безумия наполнен мрак ночной.

Целует ветер в грудь ее неторопливо, Вода баюкает, раскрыв, как лепестки, Одежды белые, и тихо плачут ивы, Грустя, склоняются над нею тростники.

Кувшинки смятые вокруг нее вздыхают; Порою на ольхе гнездо проснется вдруг, И крылья трепетом своим ее встречают... От звезд таинственный на землю льется звук.

II

Как снег прекрасная Офелия! О фея! Ты умерла, дитя! Поток тебя умчал! Затем что ветра вздох, с норвежских гор повеяв, Тебе про терпкую свободу нашептал;

Затем что занесло то ветра дуновенье Какой-то странный гул в твой разум и мечты, И сердце слушало ночной Природы пенье Средь шорохов листвы и вздохов темноты;

Затем, что голоса морей разбили властно Грудь детскую твою, чей стон был слишком тих; Затем что кавалер, безумный и прекрасный, Пришел апрельским днем и сел у ног твоих.

Свобода! Взлет! Любовь! Мечты безумны были! И ты от их огня растаяла, как снег: Виденья странные рассудок твой сгубили, Вид Бесконечности взор погасил навек.

III

И говорит Поэт о звездах, что мерцали, Когда она цветы на берегу рвала, И как по глади вод в прозрачном покрывале Плыла Офелия, как лилия белая.

Бал повешенных
На черной виселице сгинув,
Висят и пляшут плясуны,
Скелеты пляшут Саладинов
И паладинов сатаны.

За галстук дергает их Вельзевул и хлещет По лбам изношенной туфлю, чтоб опять Заставить плясунов смиренных и зловещих Под звон рождественский кривляться и плясать.

И в пляске сталкиваясь, черные паяцы Сплетеньем ломких рук и стуком грудь о грудь, Забыв, как с девами утехам предаваться, Изображают страсть, в которой дышит жуть.

Подмостки велики, и есть где развернуться, Проворны плясуны: усох у них живот. И не поймешь никак, здесь пляшут или бьются? Взбешенный Вельзевул на скрипках струны рвет...

Здесь крепки каблуки, подметкам нет износа, Лохмотья кожаные сброшены навек, На остальное же никто не смотрит косо, И шляпу белую надел на череп снег.

Плюмажем кажется на голове ворона, Свисает с челюсти разодранный лоскут, Как будто витязи в доспехах из картона Здесь, яростно кружась, сражение ведут.

Ура! Вот ветра свист на бал скелетов мчится, Взревела виселица, как орган, и ей Из леса синего ответил вой волчицы, Зажженный горизонт стал адских бездн красней.

Эй, ветер, закружи загробных фанфаронов, Чьи пальцы сломаны и к четкам позвонков То устремляются, то вновь летят, их тронув: Здесь вам не монастырь и нет здесь простаков!

Здесь пляшет смерть сама... И вот среди разгула Подпрыгнул к небесам взбесившийся скелет: Порывом вихревым его с подмостков сдуло, Но не избавился он от веревки, нет!

И чувствуя ее на шее, он схватился Рукою за бедро и, заскрипев сильней, Как шут, вернувшийся в свой балаган, ввалился На бал повешенных, на бал под стук костей.

На черной виселице сгинув,
Висят и пляшут плясуны,
Скелеты пляшут Саладинов
И паладинов сатаны.
Возмездие Тартюфу

Страсть разжигая, разжигая в сердце под Сутаной черною, довольный, бледно-серый, До ужаса сладкоречивый, он бредет, Из рта беззубого пуская слюни веры.

Но вот однажды возникает некто Злой, И за ухо его схватив, -- "Помилуй Боже!" -Срывает яростно недрогнувшей рукой Сутану черную с его вспотевшей кожи.

Возмездие! Он весь дрожит от резких слов, И четки длинные отпущенных грехов Гремят в его душе. Тартюф смертельно бледен.

Он исповедуется, он почти безвреден... Не слышит тот, другой: взял брѣжи и ушел. -- Ба! С головы до пят святой Тартюф наш гол!

Венера Анадиомена

Из ржавой ванны, как из гроба жестяного, Неторопливо появляется сперва Вся напмаженная густо и ни слова Не говорящая дурная голова.

И шея жирная за нею вслед, лопатки Торчащие, затем короткая спина, Ввысь устремившаяся бедер крутизна И сало, чьи пласты образовали складки.

Чуть красноват хребет. Ужасную печать На всем увидишь ты; начнешь и замечать То, что под лупую лишь видеть можно ясно:

"Венера" выколото тушью на крестце... Все тело движется, являя круп в конце, Где язва ануса чудовищно прекрасна.

Ответы Нины
Он. -- Рука в руке, давай с тобою
Уйдем скорей Туда, где утро голубое
Среди полей
Своею свежестью пьянящей
Омоет нас, Когда дрожат лесные чащи
В безмолвный час;
И ветви, в каплях отражая
Игру луча, Трепещут, -- словно плоть живая
Кровоточа.
Там, подставляя ветру смело
Жар черных глаз, В люцерну пеньюар свой белый
В тот ранний час
Ты погрузишь, успев влюбиться,
В душистый мех, И там шампанским будет литься
Твой звонкий смех,
Смех надо мной, от хмеля грубым,
Чью силу рук Ты вдруг почувствуешь, чьи губы
Узнают вдруг
Вкус ягод, что в тебе таится;
Над ветром смех, Коль ветер перейдет границы
Приличий всех,
И над шиповником, что может
Быть злым порой, А главное над тем, кто все же
Любовник твой.
Семнадцать лет! Ты будешь рада
Побыть вдвоем! О ширь полей! Лугов прохлада!
Ну как, пойдём?
Рука в руке, смешав дыханье
И голоса, Неторопясь бродить мы станем,
Войдем в леса.
И там, закрыв глаза и млея,
Ты, как во сне, Взять на руки тебя скорее
Прикажешь мне.
И я возьму -- о миг величья! -
И понесу, И будет нам анданте птичье
Звенеть в лесу.
Тебя, как спящего ребенка,
К груди прижав, Я не услышу трели звонкой
И буду прав;
И буду пьян от кожи белой,
От этих глаз, И речь моя полетится смело...
Не в первый раз.
В лесах запахнет свежим соком,
И солнца свет Омоем золотым потоком
Их снов расцвет...
А вечером? Устав немного,

С приходом тьмы Знакомой белою дорогой
Вернемся мы
К садам, где травы -- голубые,
Где близ оград В округу яблони кривые
Льют аромат.
Мы под вечерним темным небом
С тобой войдем В деревню, пахнущую хлебом
И молоком,
И стойлом, где от куч навозных
Тепло идет, Дыханьем мерным полон воздух,
Остывший пот
Блестит на шерсти, чьи-то морды
Во мгле видны, И бык роняет с видом гордым
Свои блины...
А после дом, очки старушки,
Чей нос крючком Уткнулся в треножник; с пивом кружки
И дым столбом
Из трубок вылепленных грубо,
Плохой табак, И оттопыренные губы,
Что так и смят
Хватают с длинных вилок сало,
Как впопыхах; Огонь из печки, отсвет алый
На сундуках;
Зад малыша, который близко
Подполз к дверям И мордочкой уткнулся в миску,
Что ставят там
Для добродушного полкана;
И старые пес Ворчит и лижет мальчугана
В лицо и в нос...
Надменная, словца не скажет,
Страшна на вид, У печки бабка что-то вяжет,
В огонь глядит.
О дорогая, сколько сможем
Увидеть мы В лачугах, чьи огни проходим
Горят из тьмы!
Потом, среди сирени свежей,
Таясь от глаз, В одном окне нам свет забрезжит,
Поманит нас...
Пойдем со мной! Тебя люблю я!
Нельзя никак Нам не пойти! Пойдем, прошу я...
Она. -- А дальше как?

[15 августа 1870]

За музыкой

Вокзальная площадь в Шарлевиле

На площадь, где торчат газоны тут и там, В сквер, где пристойно все и нет в цветах
излишку, Мещане местные несут по четвергам Свою завистливою глупость и одышку.

Там полковный оркестр, расположась в саду, Наигрывает вальс, качая киверами, Не забывает

франт держаться на виду, Прилип нотариус к брелокам с вензелями.

Находка для рантье трубы фальшивый звук; Пришли чиновники и жирные их дамы В сопровожденье тех, кто нужен для услуг И чей любой волан имеет вид рекламы.

Пенсионеров клуб, рассевшись на скамьях, С серьезным видом обсуждает договоры; Трость с набалдашником здесь попирает прах, И погружаются здесь в табакерку взоры.

На стуле распластав свой ожиревший зад, Какой-то буржуа с большим фламандским брюхом Из трубки тянет дым и, видно, очень рад: Хорош его табак (беспошлинный, по слухам).

А за газонами слышны бродяг смешки; Тромбонов пение воспламеняет лица Желанием любви: солдаты-простаки Ласкают малышкой... чтоб к нянькам подольститься.

Небрежно, как студент, одетый, я бреду Вслед за девчонками, под сень каштанов темных; Они смеются, взгляд мне бросив на ходу, Их быстрые глаза полны огней нескромных.

Храня молчание, и я бросаю взгляд На белизну их шей, где вьется локон длинный, И проникает взгляд под легкий их наряд, С плеч переходит на божественные спины.

Вот туфелька... Чулок... Меня бросает в дрожь. Воображением воссоздано все тело... И пусть я в их глазах смешон и нехорош, Мои желания их раздевают смело.

Завороженные

Из снежной мглы в окно подвала Они глядят на отблеск алый

И чуда ждут.

Пять малышек -- о доля злая! -Сидят на корточках, взирая,

Как хлеб пекут.

Глаз оторвать нельзя от места, Где пекарь мнет сырое тесто,

И ухватив

Его покрепче, в печь сажает, И сыто жмурясь, напевает

Простой мотив.

А дети, затаив дыханье, С могучих рук его в молчанье

Не сводят глаз;

Когда же золотой, хрустящий Готовый хлеб из печки тащат

В полночный час,

Когда сверчки под сводом темным Заводят песнь в углу укромном,

Когда полна

Дыханьем жизни яма эта, Душа детей, в тряпье одетых,

Восхищена;

Она блаженствует, а тело Не чувствует, как иней белый

К лохмотьям льнет.

Прилипли мордочки к решетке, И словно чей-то голос кроткий

Им песнь поет.

И тянутся так жадно дети К той песне о небесном свете

И о тепле,

Что рвутся ветхие рубашки, И на ветру дрожат бедняжки

В морозной мгле.

[20 сент. 70]

Роман

I

Серьезность не к лицу, когда семнадцать лет... Однажды вечером прочь кружки и бокалы, И шумное кафе, и люстры яркий свет! Бродить под липами пора для вас настала.

В июне дышится под липами легко, И хочется закрыть глаза, так все красиво! Гул слышен города -- ведь он недалеко, -А в ветре -- аромат и зелени, и пива.

II

Там замечаешь вдруг лоскут над головой, Лоскут темнеющего неба в обрамленьи Ветвей, увенчанных мигающей звездой, Что с тихим трепетом замрет через мгновенье.

Июнь! Семнадцать лет! Цветущих веток сок -Шампанское, чей хмель пьянит ваш разум праздный, А на губах у вас, как маленький зверек, Трепещет поцелуй, и ваша речь бессвязна.

III

В плену робинзонад безумная душа... Но вот мадмуазель, что кажется всех краше, Под бледным фонарем проходит не спеша, И тенью движется за ней ее папаша.

Она находит вас наивным и тотчас От вас отводит взгляд и несколько картинно Прочь удаляется, а на устах у вас Нераспустившаяся вянет каватина.

IV

Вы страстно влюблены. Уж август за окном. Она над вашими сонетами хохочет. Друзья от вас ушли. Вам грустно, А потом Она своим письмом вас осчастливить хочет.

В тот вечер... вы в кафе идете, яркий свет Там ожидает вас, и кружки, и бокалы... Серьезность не к лицу, когда семнадцать лет И липы созерцать пора для вас настала.

23 сентября 70

х х х

"...Французы семидесятого года, бонапартисты, республиканцы, вспомните о ваших отцах девяносто второго года и т.д. ..."

Поль де Кассаньяк ("Ле Пэи")

Вы, павшие в боях в год девяносто третий И в предыдущий год! В своих сабо вы шли Туда, где поцелуй свободы вас отметил, Шли цепи разбивать, что мир наш оплели.

В страданьях и в беде велики и суровы, Вы под лохмотьями несли любовь в сердцах; Как зерна, бросила вас в землю смерть, чтоб снова Их к жизни возродить на старых бороздах.

В крови отмывшие запятнанное знамя, Святые с мрачными и нежными глазами, Флерюса мертвецы и мертвецы Вальми!

Республике и вам мы сон не потревожим. Под игом королей мы все живем, как можем... Сравнится ль Кассаньяк с подобными людьми?

Написано в Мазасе 3 сентября 1870 г.

Зло

В то время как плевки взбесившейся картечи Скрежещут и свистят в пространстве голубом И падают полки близ Короля, чьи речи Полны презренья к тем, кто гибнет под огнем;

В то время как дано в дымящиеся груды Безумью превратить сто тысяч тел людских, -- О мертвецы в траве, в день летний, среди чуда Природы благостной, что сотворила их!..-

Бог то смеется в окружении узорных Покровов алтарей, где золото блестит, То под баюканье осанны сладко спит

И просыпается, когда в одеждах черных Приходят матери в смятенье и тоске Вручить ему медяк, завязанный в платке.

Ярость кесаря

Вот бледный человек гуляет по аллее. Сигару курит он, и черный фрак на нем. Он вспомнил Тюильри и стал еще бледнее, И тусклые глаза вдруг вспыхнули огнем.

Да, оргия шла двадцать лет! И ею Сыт император, что когда-то говорил: "Свободу, как свечу, я потушить сумею..." Свобода вновь живет! И свет ему не мил.

Он пленник. Кто поймет, что это душу гложет? Каким он жгучим сожалением объят? У императора потухший мертвый взгляд.

О Куманьке в очках он думает, быть может, Смотря, как облаком всплывает голубым Его

раскуренной сигары легкий дым.

Зимняя мечта

К ней

В вагоне розовом уедем мы зимою.

Уютно будет нам: Там всюду гнезда поцелуев, полных зноя,

Таятся по углам.

Закроешь ты глаза, чтобы во мгле вечерней

Не видеть за окном Теней кривляющихся, адской этой черни,

Подкравшейся тайком.

Тут словно паучок тебе царапнет щеку, Вдоль шеи побежит мой поцелуй и к сроку

Не возвратится вспять.

И, голову склонив, "Ищи", -- ты скажешь строго, И паучка, что путешествует так много,

Мы примемся искать.

В вагоне, 7 октября 70

Уснувший в ложбине

В провалах зелени поет река чуть слышно, И весь в лохмотья серебристые одет Тростник...

Из-за горы, сверкая, солнце вышло, И над ложбиною дождем струится свет.

Там юноша-солдат, с открытым ртом, без каски, В траву зарывшись непокрытой головой,

Спит. Растянулся он на этой полной ласки Земле, среди зелени, под тихой синевой.

Цветами окружен, он крепко спит; и, словно Дитя больное, улыбается безмолвно. Природа, обогрей его и огради!

Не дрогнут ноздри у него от аромата, Грудь не кольшится, лежит он, сном объятый, Под солнцем... Две дыры алеют на груди.

Октябрь 1870

В Зеленом Кабаре

Пять часов вечера

Я восемь дней подряд о камни рвал ботинки, Вдыхая пыль дорог. Пришел в Шарлеруа. В Зеленом Кабаре я заказал тартинки И ветчины кусок, оставшейся с утра.

Блаженно вытянул я ноги под зеленым Столом, я созерцал бесхитростный сюжет Картинок на стене, когда с лицом смышленным И с грудью пышною служанка в цвете лет,

-- Таковую не смутишь ты поцелуем страстным! -Смеясь, мне подала мои тартинки с маслом И разрисованное блюдо с ветчиной,

Чуть розоватую и белой, и мгновенно Большую кружку мне наполнила, где пена В закатных отблесках казалась золотой.

Октябрь 70

Плутовка

В харчевне темной с обстановкою простой, Где запах лака с ароматом фруктов слился, Я блюдом завладел с какою-то едой Бельгийской и, жуя, на стуле развалился.

Я слушал бой часов и счастлив был и нем, Когда открылась дверь из кухни в клубах пара И в комнату вошла неведомо зачем Служанка-девушка в своей косынке старой,

И маленькой рукой, едва скрывавшей дрожь, Водя по розовой щеке, чей бархат схож Со спелым персиком, над скатертью склонилась, Переставлять прибор мой стала невзначай, И чтобы поцелуй достался ей на чай, Сказала: "Щеку тронь, никак я простудилась..."

Шарлеруа, октябрь 70

Блестящая победа у Саарбрюкена, одержанная под крики

"Да здравствует император!"

(Ярко раскрашенная бельгийская гравюра, продается в

Шарлеруа за 35 сантимов)

Посередине, в голубом апофеозе Сам император на лошадке расписной: Как папенька, он мил, подобно Зевсу, грозен, И в свете розовом все видит пред собой.

Внизу солдатики толпятся, барабаны Мерцают золотом, алеет пушек ряд. Глядит Питу на полководцев беспрестанно, И восхищением глаза его горят.

Чуть справа Дюманэ, уже готовый к бою, Опершись на ружье, мотает головою, Вопя: "Да здравствует!..." А кто-то рядом -- нем.

Как солнце черное, сверкает кивер где-то, И простодушный, в красно-синее одетый, Бормочет Бокийон: "Да здравствует?... Зачем?"

Октябрь 70

Шкаф

Вот старый шкаф резной, чей дуб в разводах темных На добрых стариков стал походить давно; Распахнут шкаф, и мгла из всех углов укромных Влекущий запах льет, как старой вино.

Полным-полно всего: старья нагроможденье, Приятно пахнущее желтое белье, Косынка бабушки, где есть изображенье Грифона, кружева, и ленты, и тряпье;

Тут медальоны вы найдете и портреты, Прядь белую волос и прядь другого цвета, Одежду детскую, засохшие цветы...

О шкаф былых времен! Историй всяких кучу И сказок множество хранишь надежно ты За этой дверцей, почерневшей и скрипучей.

Октябрь, 70

Богема

(Фантазия)

Засунув кулаки в дырявые карманы, Под небом брел я вдаль, был, Муза, твой вассал. Какие -- о-ля-ля! -- в мечтах я рисовал Великолепные любовные романы!

В своих единственных, разодранных штанах Я брел, в пути срывая рифмы и мечтая. К Большой Медведице моя корчма пустая Прижалась. Шорох звезд я слышал в небесах.

В траву усевшись у обочины дорожной, Сентябрьским вечером, ронявшим осторожно Мне на лицо росу, я плел из рифм венки.

И окруженный фантастичными тенями, На обуви моей, израненной камнями, Как струны лиры, я натягивал шнурки.

* СТИХОТВОРЕНИЯ 1871 ГОДА *

Голова фавна

Среди листвы зелено-золотой, Листвы, чей контур зыбок и где спящий Скрыт поцелуй,-- там быстрый и живой Фавн, разорвавший вдруг узоры чащи,

Мелькает, и видны глаза и рот, Цветы грызет он белыми зубами, Сорвался смех с пурпурных губ, и вот Слышны его раскаты за ветвями.

Когда же фавн, как белка, убежал, На листьях оставался смех дрожащий, И, снегирем напуган, чуть дрожал Зеленый поцелуй безмолвной чащи.

1871

Сидящие

Черны от папиллом, корявые, с кругами Зелеными у глаз, с фалангами в узлах, С затылками, где злость топорщится буграми И расцветает, как проказа на стенах,

Они в припадочном соитии привили К скелетам стульев свой немислимый каркас; С брусками дерева сплетаются в бессилье Их ноги по утрам, и днем, и в поздний час.

Да, эти старики с сиденьями своими Едины и в жару и в дни, когда их взгляд На окна устремлен, где увядает иней,-И дрожью жаб они мучительно дрожат.

Но милостивы к ним сиденья, чья солома К телам костлявым их приучена давно; Дух

солнца прошлых лет вновь светится знакомо В колосьях, что сплелись, отдав свое зерно.

И вот Сидящие, к зубам поджав колени И барабана по сидениям слегка, Внимают грустным баркаролам, и в томлень Качается, как на волнах, у них башка.

Не заставляйте их вставать! Крушение это! Подобно битому коту, они шипят, Топорщатся штаны -- о ярость без ответа! -Наружу вылезая, ключицы заскрипят.

И вы услышите шагов их мерзкий шорох, Удары лысин о дверные косяки, И пуговицы их -- зрачки, что в коридорах Вопьются вам в глаза, спасаясь от тоски.

Когда ж назад они вернуться, взгляд их черный Яд источать начнет, как взгляд побитых сук, И пот вас прошибет, когда начнет упорно Воронка страшная засасывать вас вдруг.

Упрятав кулаки под грязные манжеты, Они припомнят тех, кто их заставил встать; Под подбородком их до вечера с рассвета, Миндалин гроздь будут двигаться опять.

Когда же голову на локоть сон склоняет, Тогда зачавшие сиденья снятся им И стулья-малыши, чья прелесть обрамляет Конторы важные присутствием своим.

Цветы чернильные укачивают спящих, Пыльцу выплевывая в виде запятых На этих стариков, как на горшке сидящих... -- И колос высохший щекочет член у них.

Таможенники

Кто говорит "Эх-ма!" и говорит "К чертям!" -Солдаты, моряки, Империи осколки -Ничто пред Воинством, которое, как волки, Таится вдоль границ, лазурь калеча там.

При трубке, с тесаком, все презирая толки, Они на страшный пир выходят по ночам И псов на привязи ведут, когда к лесам Мгла липнет и течет, как слюни с морды телки.

Законы новые толкуют нимфам нежным, Задержат Фауста, Фра Дьяволо сгребут: "Пожитки предьяви! Нам не до шуток тут!"

И к женским прелестям приблизясь безмятежно, Спешит таможенник пощупать их слегка, И всем виновным ад сулит его рука!

Вечерняя молитва

За кружкою пивной жить начал сиднем я, Подобно ангелу в руках у брадобрее; Подчревь изогнув и трубкою дымя, Смотрю на облачные паруса и реи.

Как экскременты голубятни, на меня Мечты горящие нисходят, душу грея; А сердце грустное, порой их прочь гоня, Тогда на зоболонь походит уж скорее.

Так, кружек сорок выпив или тридцать пять И все свои мечты пережевав и слопав, Сосредотачиваюсь я, чтоб долг отдать;

И кроткий, словно бог, бог кедров и иссопов, Я в небо писаю,-- какая благодать! -С соизволения больших гелиотропов.

Парижская военная песня

Весна настала без сомненья, Поскольку, как весенний дар, Из зеленеющих имений Тьер вылетает и Пикар.

О май над голыми задами! Смотрите Севр, Аньер, Медон: Вот дорогие гости сами Дары несут со всех сторон.

Есть кивера у них и сабли, Они в свои тамтамы бьют, На суше ялики их зябли, А тут озера крови ждут!

Как иногда наш брат гуляет, Когда рассвет настать готов, И наши стены сотрясает Град желто-огненных шаров.

Украшив крылышками спины, -- Куда там Эросу: старо! -Тьер и Пикар из керосина Творят картины под Коро.

О знатоки Большого Трюка! А Фавр разлегся на цветах, Сопеньем выражая муку, Изображая скорбь в глазах.

Под вашим ливнем керосина Великий город не остыл, Не покорился и не сгинул... Пора нам

ваш умерить пыл!

И те, кто радуются, сидя В деревне, на земле своей, Еще свет пламени увидят, Еще услышат треск ветвей!

Мои возлюбленные малютки
Омыл слезливый гидролат
Небес капусту, Деревьев почки ваш наряд
Слюнявят густо,
Луна свой выкатила глаз
На миг короткий. Ну, что же вы! Пускайтесь в пляс,
Мои уродки!

С тобой, с уродкой голубой,
Любовь шла гладко. Мы ели курослеп с тобой
И яйца всмятку.

Уродкой белой посвящен
Я был в поэты. Дай мне огреть тебя еще
Ремнем за это!

Воротит у меня с души
От брильянтина Уродки черной. Эй, пляши!

Вот мандолина!
Ба! Высохших моих слюней
Узор бесстыжий Еще остался меж грудей
Уродки рыжей.

О как я ненавижу вас,
Мои малютки! Обрушьте тумачи все враз
На ваши грудки!

Топчите старые горшки
Моих влечений! Гоп-ля! Подайте мне прыжки
Хоть на мгновенье.

Ключицы ходят ходуном,
Кривые ножки, Все перевернуто вверх дном,
Пляшите, крошки!

И ради них дурных, как сон,
Мог рифмовать я? За то, что был я в вас влюблен,-
Мое проклятье!

Звезд блеклый ворох! Ваш приют
В углу убогом. Заботы мерзкие вас ждут
И смерть под Богом.

Луна свой выкатила глаз
На миг короткий. Ну, что же вы! Пускайтесь в пляс,
Мои уродки!

На корточках

В час поздний, чувствуя, как взбух его живот, Глядит с тоскою брат Милотус на оконце,
Откуда шлет мигрень, глаза слепит и жжет И, как начищенный котел, сверкает солнце, Что пробуждение бедняги стережет.

Он мечется под одеялом серым; тяжело Вдыхает, ставит ноги на пол, и слегка Дрожит его живот: нельзя тут дать промашку, Когда приходится, сжав ручку от горшка, Свободною рукой задрать еще рубашку.

Вот он на корточках; трясется весь, и хрип Застрял в его груди, хотя к оконным стеклам Желтком расплывшимся свет солнечный прилип, И нос Милотуса сверкает лаком блеклым, В лучах подрагивая, как живой полип.

На медленном огне бедняга наш томится, Губа отвисла, руки скрючены, и в жар Погружены его бока и поясница, И трубка не горит, и от штанины пар Идет, а в животе как будто бьется птица.

А рухлядь грязная и одуревший хлам Вокруг в засаленных лохмотьях спят на брюхе, Скамейки-жабы притаились по углам, Шкафы раскрыли пасть молящейся старухи, И алчный аппетит прилип к их смутным снам.

Жара и в комнате протухшей и в прихожей; Набита голова хозяина тряпьем; Он слышит, как растет шерсть у него на коже, И, содрогаясь весь, икает он с трудам, Свою скамейку хромоногую тревожа.

А тихим вечером, когда лучи луны Слюнявым светом обрамляют контур зада, Тень фантастическая, приспустив штаны, На корточках сидит... И, словно из засады, Нос к звездам тянется, что в небесах видны.

Семилетние поэты

Г-ну П.Демени

И вот закрыла Мать предначертаний том И, гордо удалясь, не думала о том, Что в голубых глазах и подо лбом с буграми Ребенок, сын ее, скрыл отвращенья пламя.

Он послушаньем исходил весь день; весьма Сообразителен; но склад его ума И все привычки выдавали лицемерье. В прихожей, в темноте, когда закрыты двери, Он строил рожи и высовывал язык. Ресницы опускал -- и появлялись вмиг Кружки в его глазах. о вечерам забраться Пытался на чердак, чтоб злости предаваться, Таясь под свесившейся с крыши полумглой. Томящийся, тупой, он летнею порой В местах отхожих запирался и часами Там думал в тишине и шевелил ноздрями. Когда за домом сквер, омытый до корней Дневными запахами, был в плену теней, Он залезал в рухляк, что у стены валялся, И, напрягая взгляд, видений дожидался, И слушал шорохи чесоточных кустов. О жалость! Лишь детей соседей-бедняков Считал друзьями он. На стариков похожи, С глазами блеклыми и с нездоровой кожей, Поносом мучались они, и странно тих Был голос, и черны от грязи руки их... Ребенка своего на жалости позорной Застав, пугалась мать. Но нежность непокорно К ней из груди его рвалась, и так хорош Был этот миг! Таил взгляд материнский ложь.

В семь лет он сочинял романы -- о пустыне, Саваннах и лесах, где, как в небесной сини, Свободы блещет свет... а помощь приходил Журнал с картинками, в котором находил Он также девичьи смеющиеся лица. С глазами карими и в платице из ситца Рабочих девочка с соседнего двора К нему захаживала. Шла тогда игра С дикаркой маленькой, которая валила Его на землю вмиг, он отбивался с силой И, очутясь под ней, кусал девчонку в зад, Не знавший пантолон. Но кожи аромат, Забыв о синяках, он уносил с собою.

Тоски воскресных дней боялся он зимою, Когда, причесанный, за столиком своим Читал он Библию с обрезом золотым. В постели, по ночам, его мечты томили. Он бога не любил, любил людей, что были Одеты в блузы и черны, когда домой С работы шли, когда глашатай пред толпой Бил трижды в барабан, указы объявляя, И ропот или смех неволью вызывая.

Ребенок прериями грезил, где трава, И запахи, и свет кольшутся едва. Но так как мрачные предпочитал он вещи, То в комнате своей, пустынной и зловещей, Где пахло сыростью и к ставням лип туман, Он перечитывал все время свой роман. Там было небо цвета охры, лес горящий, Цветы из плоти распускались в звездной чаше, И было бегство, и паденье, и разгром. А между тем гудел чуть слышно за окном Квартал. И в тишине предчувствие пылало И холод простыни вдруг в парус превращало.

26 мая 1871

Бедняки в церкви

В загоне из скамей дубовых, в закоулках, Согретых смрадом их дыханья, взор вперив В хор позолоченный, чьи двадцать глоток гулко Горланят без конца заученный мотив;

Как хлеба аромат, вдыхая запах свечек, Смирнее собак, которых ждут пинки, Все разом к боженке, хозяину овечек, Молитвы глупые возносят Бедняки.

Просиживать скамью их женщинам здесь любо: Бог заставлял страдать шесть беспросветных дней! Качают женщины, укутав, словно в шубы, До посинения рыдающих детей.

Наружу груди их, увядшие от супа; Глаза, которые молиться не хотят, Глядят, как шествует девчонок скверных группа, И на бесформенные шляпки их глядят.

За дверью ветра свист, и пьяный муж, и голод... Остаться б здесь еще, уйдя от стольких бед! А между тем вокруг, распространяя холод, Старухи шепчутся, вздыхают, застыт свет.

Здесь эпилептики толкуются и калеки, Чей вид на улице был неприятен вам; Здесь требник нюхают, не поднимая веки, Слепцы, ходившие с собакой по дворам.

Слюнями исходя бездарной нищей веры, Здесь каждый без конца молитвы петь готов Христу, что наверху мечтает в дымке серой, Вдали от тощих стерв и злобных толстяков,

Вдали от запаха замшелых риз и свечек, От фарса мрачного, что вызывает дрожь... А проповедь цветет изысканностью речи, И все настойчивей мистическая ложь.

Когда у выхода, где солнце гибнет, Дамы В шелках банальных и несущие печать Болезни печени -- о, господи! -- упрямо Кропильницам велят им пальцы целовать.

1871

Украденное сердце

Слюной тоски исходит сердце, Мне на корме не до утех Грохочут котелки и дверцы, Слюной тоски исходит сердце Под градом шуток, полных перца, Под гогот и всеобщий смех. Слюной тоски исходит сердце Мне на корме не до утех.

Итифаллический, солдатский, Их смех мне сердце запятнал; К рулю рисунок залихватский, Итифаллический, солдатский, Прицеплен... Сердце мне по-братски Омой, кабалистичный вал! Итифаллический, солдатский, Их смех мне сердце запятнал.

Как быть, украденное сердце, Когда табак иссякнет их И зазвучит икоты скерцо, Как быть, украденное сердце, Когда похмелье горше перца И жгучий спазм в кишках моих? Как быть, украденное сердце, Когда табак иссякнет их?

[Май 1871]

Парижская оргия, или Париж заселяется вновь

О негодяи, в путь! С вокзалов хлыньте гордо! Лучами солнечными вымыт и протерт Бульвар, где некогда шли варварские орды. Священный город здесь пред вами распростерт!

Вперед! Утих пожар и не подняться буре. Вот набережных свет, вот улицы, а вот Над вами радужное небо, в чьей лазури Недавно звезды бомб водили хоровод.

Все мертвые дворцы упрячьте под лесами! Страх дня минувшего страх освежает вам. Вот стадо рыжее вихляющих задами... Так уподобьтесь же безумцам и шутам!

О свора сук во время течки! Рвите в клочья Повязки. Крик домов приманивает вас. Разврата ночь пришла, и спазмы этой ночи Сжимают улицу. Так жрите! Пробил час!

И пейте! А когда свет резкий рядом с вами Копаться в роскоши струящейся начнет, Вы разве будете склоняться над столами, Смотря безмолвно на белеющий восход?

За королеву тост с ее отвислым задом! В ночах пылающих прислушайтесь, как рвет Икота чью-то грудь, как лихо скачут рядом Лакеи, старики, кретины, пьяный сброд.

О грязные сердца! О мерзкие утробы! Сильней работайте своим вонючим ртом! Еще глоток вина за этот праздник злобы, О Победители, покрытые стыдом!

Дышите мерзостью великолепной вони И окунайте в яд злых языков концы! Над вашей головой скрестив свои ладони, Поэт вам говорит: "Беснуйтесь, подлецы!"

Ведь в лоно Женщины вы лапы запустили, Ее конвульсии еще внушают страх, Когда она кричит, когда в своем бессилье Вы задыхаетесь, держа ее в руках.

Шуты, безумцы, сифилитики, владыки, Ну что Парижу, этой девке, весь ваш сброд И ваша плоть, и дух, и яд, и ваши крики? Вас, гниль свирепую, с себя она стряхнет!

Когда падете вы, вопя от униженья И в страхе требуя вернуть вам кошельки, Зablещет красной куртизанки грудь сражений, Над вами грозные сожмутся кулаки!"

Когда так яростно твои плясали ноги, Париж, когда ножом был весь изранен ты, Когда ты распростерт и так светлы и строги Зрачки твои, где свет мерцает доброты,

О город страждущий, о город полумертвый, По-прежнему твой взор в Грядущее глядит! И мрак Минувшего, о город распростертый, Из глубины веков тебя благословит!

Ты, плоть которого воскрешена для муки, Ты жизнь чудовищную снова пьешь! И вновь Тебя холодные ощупывают руки, И черви бледные в твою проникли кровь.

Ну что же! Тем червям позора и обиды Твое дыхание Прогресса не прервать, И не погасит Стикс глаза Кариатиды, В которых золоту астральному сверкать.

Пусть никогда еще такой зловонной раной Среди Природы не гляделись города, Пусть твой ужасен вид, но будет неустанно Поэт тебе твердить: "Прекрасен ты всегда!"

Ты вознесен грозой к поэзии высокой, Игра великих сил тебе подмогу шлет, Грохочет смерть, но ждет твоё творенье срока, О город избранный, ты слышишь? Горн зовет!

Поэт возьмет с собой Отверженных рыдания, Проклятья Каторжников, ненависти шквал, Лучи его любви, сверкая, женщин ранят, И строфы загремят: "Бандиты! Час настал!"

-- Порядок вновь царит...-- И снова слышен в старых Домах терпимости хрип оргий после бурь. Охвачен бредом газ и с фонарей усталых Зловеще рвется ввысь, в туманную лазурь.

Май 1871

Руки Жанн-Мари

Они могучи, эти руки, Они темны в лучах зари, Они бледны, как после муки Предсмертной, руки Жанн-Мари.

Или в озерах сладострастья Им темный крем дарован был? В пруды безоблачного счастья Они свой погружали пыл?

Покоюсь на коленях нежных, Случалось ли им небо пить, Сигары скручивать прилежно, И продавать кораллов нить,

И к пламенным ногам Мадонны Класть золотой цветок весны? Нет! Черной кровью белладонны Ладони их озарены!

Или грозя бедой диптерам, Что над нектарником жужжат, Перед рассветом бледно-серым Они процеживали яд?

Какой мечтой они в экстазе Ввысь были взметены порой? Мечтой неслыханною Азий Иль кенгаварскою мечтой?

О, эти руки потемнели Не о подножия богов, Не у бессонной колыбели И не от сорванных плодов!

Они -- не руки примадонны, Не руки женщин заводских, Чье солнце пьяно от гудрона И опалает лица их.

Они в дугу сгибают спины, Они добры, как светоч дня, Они фатальнее машины, Сильнее дикого коня.

Стряхнув с себя остатки дрожи, Дыша, как жар в печи, их плоть Петь только Марсельезу может И никогда "Спаси, господь".

Вас, женщин злых, они б схватили За горло, раздробили б вам В кармине и белее лилий

Запястья благородных дам.

Сиянье этих рук любимых Мозги туманит у ягнят, И солнца яркого рубины На пальцах этих рук горят.

Они темны от пятен черни, Как вздыбленный вчерашний вал, И не один их в час вечерний Повстанец гордый целовал.

Они бледны в тумане рыжем, Под солнцем гнева и любви, Среди восставшего Парижа, На бронзе митральез в крови.

И все же иногда, о Руки, Вы, на которых сохранен Губ наших трепет в час разлуки,-Вы слышите кандальный звон.

И нет для нас ужасней муки, Нет потрясения сильней, Когда вам, о святые Руки, Пускают кровь из-под ногтей.

Сестры милосердия

Мужчина молодой, чей взор блестит, а тело Двадцатилетнее пленяло б наготой Или которого представить можно смело В одежде мага под персидскую луну,

Порывистый, неукротимый, непорочный И гордый первою причастностью своей, Подобный морю молодому, вздохам ночи На древнем ложе из брильянтовых камней,

Мужчина молодой грязь видит и увечье, Уродство мира, содрогаясь, узнает, И в сердце раненный навеки, только встречи Теперь с сестрою милосердия он ждет.

Но женщина, тебе, о гряда плоти жаркой, Не быть сестрою милосердия вовек, Хоть пальцы легки у тебя, и губы ярки, И пылок черный взор, и грудь бела, как снег.

Непробужденная, с огромными зрачками! Наш каждый поцелуй таит вопрос немой, И убаюкивать тебя должны мы сами, И это ты к нам льнешь, окутанная тьмой.

Всю ненависть свою, и слабость, и томленье, И все, что вытерпела в прошлом, вновь и вновь Ты возвращаешь нам, без гнева и сомненья, Как ежемесячно свою теряя кровь.

Мужчина устрасен, поняв, что ты -- обуза. Одно мгновение тебя он нес, и вот, Как наваждение, его теряет Муза И пламя высшей Справедливости зовет.

Все время жаждущий простора и покоя, Сполна познав неумолимость двух Сестер, Он обращает вдруг со стоном и тоскою К природе благостной измученный свой взор.

Но мрак алхимии, но святость познаванья Ему внушают отвращенье неспроста: Он тяжело ранен был, вокруг него молчанье, И одиночество не разомкнет уста.

Пусть верил он в мечту, пусть долгой шел дорогой Сквозь ночи Истины, но настает пора, Когда взывает он к таинственной и строгой, К тебе, о смерть, о милосердия сестра!

Июнь 1871

Искательницы вшей

Когда ребенка лоб горит от вихрей красных И к стае смутных грез взор обращен с мольбой, Приходят две сестры, две женщины прекрасных, Приходят в комнату, окутанную мглой.

Они перед окном садятся с ним, где воздух Пропитан запахом цветов и где слегка Ребенка волосы в ночной росе и в звездах Ласкает нежная и грозная рука.

Он слышит, как поет их робкое дыханье, Благоухающее медом и листвою, И как слюну с их губ иль целовать желанье Смыкает судорожный вздох своей волной.

Он видит, как дрожат их черные ресницы И как, потрескивая в сумрачной тиши, От нежных пальцев их, в которых ток струится, Под царственным ногтем покорно гибнут вши.

Ребенок опьянен вином блаженной Лени, Дыханьем музыки, чей бред не разгадать, И, ласкам подчиняясь, согласно их веленью, Горит и меркнут в нем желанье зарыдать.

Первые причастия

I

Церквушки в деревнях, какая глупость, право! Собрав там дюжину уродливых ребят,

Гротескный поп творит молитву величаво, И малыши за ним бормочут невпопад; А солнце сквозь листву пробилось, и на славу Цветные витражи над головой горят.

От камня отдает всегда землей родною. Легко заметите вы груды тех камней На поле, что дрожит от течи и от зноя, Где тропка серая бежит, и рядом с ней Сожженные кусты, шиповник цвета гноя И черных шелковиц наросты до корней.

Вид respectableный здесь каждое столетье Сараям придают, пуская кисти в ход; И если мистика гротескная в расцвете Близ божьей матери или святых бород, То мухи, видя хлев или корчму заметив, Над ними радостно свой водят хоровод.

Принадлежа семье, все дети с нею схожи. Дом -- это ворох дел, заботы, простота; Из церкви выходя, не помнят след на коже, Оставшийся от рук служителя Христа, И заплатить ему готовы подороже, Чтоб только заслонять он солнце перестал.

Одежда черная впервые, хоть и мал ты; День сладких пирогов с цветами на окне, И полные любви Иосифы и Марты, На мир глядящие с картинок на стене, К которым в будущем добавятся две карты, Как лучший сувенир о том великом дне.

Девчонки часто ходят в церковь. Им приятно Услышать, как порой их шлюхами зовут Мальчишки, что потом, отправясь в путь обратный И мессу позабыв, в харчевню завернут, Чтоб воздух сотрясать там песнею отвратной И презирать дома, где богачи живут.

Сам подбирал кюре для детворы картинки. Но у себя в саду, обедню отслужив, Он слышит топот ног вдали и по старинке Икрой подергивает: чешутся ботинки, Забыт святой запрет под плясовой мотив: -- Пиратом черным ночь идет, от звезд отплыв.

II

Среди готовящихся к первому причастью Свое внимание священник обратил На эту девочку, он полон к ней участия За грустный взор ее: "О, в ней так мало сил! Но изберет ее в день первого причастья Господь, который сам ее благословил".

III

В канун большого дня ребенок болен тяжело; И больше, чем в церквах с их гулкой тишиной, Дрожь мучает ее, хотя тепла рубашка, Дрожь возвращается: "То смерть пришла за мной..."

Как будто у сестер своих похитив право На высшую любовь, она, едва дыша, Счет Ангелам ведет и Девам в час их славы, Победою Христа полна ее душа.

Омыл средь отзвуков латинских окончаний Черты румяных Лиц небесный водопад, И, впитывая кровь божественных страданий, Покровы падают на солнечный закат.

Во имя девственности прошлой и грядущей В твое Прощение вливается она, Но, словно лилии в воде и словно кущи, Твоя всеблагость, Царица, холодна.

IV

И девою из книг становится Царица, Мистический порыв вдруг рушится порой, И нищих образов проходит вереница, Картинок и гравюр тоскливый кружит рой.

И неосознанное детское бесстыдство Пугает девственную синюю мечту, Что вьется близ туник, томясь от любопытства, Туник, скрывающих Иисуса наготу.

Однако жаждет дух, исполненный печали, Зарницы нежности продлить хотя б на миг.. Припав к подушке ртом, чтоб крик не услышали, Она томится. Мрак во все дома проник.

И девочке невмочь. Она в своей постели Горит и мечется. Ей воздуху б чуть-чуть, Чтоб свежесть из окна почувствовать на теле, Немного охладить пылающую грудь.

V

Проснулась. Ночь была. Окно едва белело. Пред синей дремою портьеры ею вновь Виденье чистоты воскресной овладело. Стал алым цвет мечты. Пошла из носа кровь.

И, чувствуя себя бессильною и чистой Настолько, чтоб вкусить любовь Христа опять, Хотела пить она под взглядом тьмы лучистой, Пить ночь, заставившую сердце трепетать;

Пить ночь, где Дева-Мать незрима, где омыты Молчаньем серым все волнения души; Пить ночь могучую, где из души разбитой Потоки бунта изливаются в глуши.

Супругой-девочкой и Жертвою покорной Она спускается со свечкою в руках Во двор; от крыши тень ползет, как призрак черный, И сушится белье, внушая белый страх.

VI

Свою святую ночь она в отхожем месте Проводит. Там к свече, где в потолке дыра, Мрак сверху тянется, неся ночные вести, Лоза склоняется с соседнего двора.

Сердечком светится оконце слуховое, Глядящее на двор, где плиты на земле Пропахли стиркою и грязною водою И тени стен таят сны черные во мгле.

VII

Кто может рассказать о жалости позорной, О ненависти к ней, о подлые шуты, Чье благочестие калечит мир покорный, Кто может рассказать про гибель чистоты?

VIII

Когда же, прочь убрав сплетенья истерии, Она, проведшая с мужчиной ночь любви, Увидит, как мечта о белизне Марии Под утро перед ним забрезжила вдали,

Тогда: "О знаешь ты, что я тебя убила? Что сердце, губы, все, чем ты владел, взяла? И тяжело я больна. Мне нужен мрак могилы, Где влагу ночи пьют умершие тела.

Была ребенком я -- Христос мое дыханье Навеки осквернил. Все мерзко мне теперь! Ты целовал меня, ты пил благоуханье Моих волос, и я смирялась... Но поверь,

Что непонятно вам, мужчинам, наше горе! Чем больше любим мы, тем наша боль сильнее. Мы были растлены! И в страхе и в позоре Порывы наши к вам обманчивей теней.

Причастье первое давно уже минуло. Мне не было дано познать твои уста: Душа моя и плоть, что так к тебе прильнула, Несут тлетворное лобзание Христа".

IX

Истлевшая душа тогда с душой печальной Его проклятие почувствуют сильнее И ненависть его, в которой изначально Скрыт яд убийственный для истинных страстей.

Христос! О вечный враг энергии и воли, Зовущий два тысячелетия туда, Где женщины бледны, где головные боли И где дается жизнь для скорби и стыда!

Июль 1871

Праведник

(фрагмент)

Держался прямо он. Луч золотистый света На плечи Праведника падал. Жаркий пот Прошиб меня: "Глядеть ты хочешь на кометы И слышать, как жужжат, свершая свой полет, Светила млечные и дальние планеты?"

"Подстерегает ночь твое чело и взгляд. О Праведник, пора под крышею укрыться! Читай молитву там. И если наугад Бредущий в темноте начнет к тебе ломиться, Скажи: "Калека я! Уйди отсюда, брат"".

Но снова Праведник был там, где страх клубится От зелени и трав, когда мертвы лучи... "Не продается ли тобою власяница, Старик? О бард тоски! О пилигрим в ночи! Нагорный плакальщик и жалости десница!

О сладко верующий! Сердце, что опять Упало в чашу вдруг, томясь в предсмертной муке! Любовь и слепота! Величье! Благодать! Послушай, Праведник, ты глуп, ты гаже суки! Не ты страдаешь -- я, посмевающий бунтовать!

Надежда на твое прощенье, о тупица, Мой вызывает смех и стон в груди моей! Я проклят, знаешь ты. Я бледен, мне не спится, Безумен я и пьян. Но ты уйди скорей. Они мне не нужны, мозгов твоих крупички.

Довольно и того, что Праведником ты Зовешься, что в ночи рассудок твой и нежность

Сопят и фыркают, как старые киты, И что изгнания познал ты безнадежность, И твой надгробный плач звучит из темноты.

Ты божье око, трус! Твоей священной свите Меня хотелось бы втоптать ногами в грязь...
Вся в гнидах голова! Одежд прогнивших нити! Сократы и Христы! Святые люди! Мразь! Того, кто проклят был, во мгле кровавой чтите!"

Все это на земле я прокричал, и ночь Внимала тихо мне, охваченному бредом. Я поднял голову: умчался призрак прочь, За призраком гналась моя насмешка следом... Явись, о вихрь ночной! Над проклятым пророчь

В то время как, храня молчанье среди шквала, Под сенью голубых пилястров, натянув Вселенной узы без конца и без начала, Порядок, вечный страж, плывет, веслом взмахнув, И сыплет звезды из пылающего трала.

А! Пусть он прочь идет, надев стыда повязку, Опившись горечью моей и сладок так, Как мед, что на зубах прогнивших липнет вязко; Пусть, словно сука после яростных атак Задорных кобелей, оближется с опаской.

Пусть о смердящем милосердии твердит... -- Мне отвратительны глаза его и брюхо! -Потом, как хор детей, пусть песни голосит, Как идиотов хор при испусканье духа... О Праведники, нам ваш ненавистен вид!

Июль 1871

Что говорят поэту о цветах

Господину Теодору де Банвиллю

I

Итак, когда лазурь черна И в ней дрожат моря топазов, Ты все проводишь вечера Близ Лилий, этих клизм экстазов.

В наш век растений трудовых Пьет Лилия в немалой дозе Сок отвержений голубых В твоей религиозной Прозе.

Сонет, что сорок лет назад Написан; дар для Менестреля Из лилий, радующих взгляд, И лилия месье Кердреля,-

Повсюду лилии! О страх! Как рукава у Грешниц нежных, Трепещут у тебя в Стихах Букеты лилий белоснежных!

А утром, свежим ветерком Рубашка у тебя надута, И запах незабудок в нем Тебе противен почему-то!

В твои владенья с давних пор Амур одну сирень впускает, Ну, и фиалку с ней -- о вздор! -
Ту, что в лесах произрастает.

II

Поэты, уж такой ваш нрав: Дай розы, розы вам, чтоб снова Они раздулись до октав, Пылая на стеблях лавровых.

Чтоб чаще на своем веку Банвилль, предавшись вдохновенью, В глаза швырял их чужаку, Не расположенному к чтенью!

Пойдешь ли в поле, в лес, в овраг, Знай, о фотограф слишком робкий, Разнообразна Флора так, Как от пустых графинов пробки.

Растенья Франции всегда Чахоточны, смешны, сварливы, И брюхо таксы без труда Переплывает их заливы.

И вот рисунков мерзких ряд, Где лотосы залиты светом, И радуют причастниц взгляд Эстампы с благостным сюжетом.

Строфа лоретки со строфой Индийского растенья ладит, И яркий мотылек порой На венчик маргаритки гадит.

Старье берем! Цветы берем! О фантастичные растенья Салонов, пахнущих старьем! Жукам

их майским на съеденье

Все эти цветики в слезах, Которых пестуют Гранвилы И с козырьками на глазах Светила краской опоили!

Да! Ваших дудочек слюна Была бы ценною глюкозой! А так... вы -- чушь! И грош цена Вам, Лилии, Сирень и Розы!

III

Охотник белый! Без чулок Ты мчишь средь Фауны дрожащей, Хотя заглядывать бы мог В свою ботанику почаще!

Боюсь, что ты на шпанских мух Сверчков сменяешь, скромных с виду, К журчанью Рейна будешь глух И тундре предпочтешь Флориду.

Но ведь Искусство, дорогой, Не в том, чтобы имели право Так просто эвкалипт любой Обвить гекзаметров удавы.

Как будто ветви акажу, Пусть даже в зарослях Гвианы, Нужны лишь стаям сакажу И бреду тяжкому лианы!

Да! В поле он иль меж страниц, С цветком решение простое: Не стоит он помета птиц, Слезинки на свече не стоит.

Сказал я, что хотелось мне! В бамбуковом жилище сидя, Обои видя на стене И ставни запертые видя,

Ты стер бы свежести расцвет, Причудливых Уз достойный! Все эти доводы, поэт, Скорее дерзки, чем пристойны!

IV

Не о пампасах, что в тоске Простерлись, бунтом угрожая, Скажи о хлопке, табаке, Об экзотичном урожае.

И сколько долларов дает Веласкесу в Гаване рента, Скажи, какой его доход, Плюнь на морскую даль Сорренто,

Где только лебедей одних Поэты видели упрямо... Довольно! Пусть твой будет стих Для манглий лучшею рекламой!

В кровавый лес он должен сметь Нырнуть -- и возвратиться снова, Чтоб людям предложить камедь И рифмы сахар тростниковый.

Открой нам желтизны секрет Под тропиками горных кражей: От насекомых ли их цвет, Лишайник ли покрыл их пряжей?

Марену нам найди! Она, Цветущая благоуханно, Для наших Армий создана Самой Природой красноштанной.

Найди у края мглы лесной Цветы, что с мордой зверя схожи И чьею золотой слюной Прочерчен след на бычьей коже.

В лугах, не знающих границ, Найди раскрытые бутоны, Где сотни огненных Яиц В эссенциях кипящих тонут.

Найди Чертополох, чью нить Десяток мулов неустанных Начнут вытягивать и вить! Найди цветы, что стулом станут!

Найди в глубинах черных руд Цветы из камня -- всем на зависть! -Цветы, чьи железы идут От горла в спекшуюся завязь.

Поддай нам, о веселый Сноб, В великолепной красной чаше Из лилий приторных сироп, Вгрызающийся в ложки наши.

V

Пусть кто-то скажет, что Амур -Всех индугенций похититель: Но ни Ренан, ни сам кот Мурр Не видели его обитель.

Оцепенели мы -- а ты Дай аромат нам истерии; Нас вознеси до чистоты, Превыше чистоты

Марии.

Колдун! Торговец! Колонист! Твой стих -- что розовый, что альпий -Каучуком льется пусть!
И чист Пусть будет, как лучи металла!

О Фокусник! Из темноты Твоих поэм вдруг ввысь взлетая, Пусть кружат странные цветы И электрические стаи!

Век ада ныне! От судьбы Железной лиры не укрыться: И телеграфные столбы Украсят и твои ключицы.

Сумей же в рифмах рассказать О том, что болен не случайно Картофель... Ну, а чтоб создать Стихи, исполненные тайны,

Которые прочтут в Трегье, Прочтут в Парамариво даже,-Купи труды месье Фигье: Ашетт имеет их в продаже.

Альсид Бава.

А. Р.

14 июля 1871

Пьяный корабль

В то время как я плыл вниз по речным потокам, Остались навсегда мои матросы там, Где краснокожие напали ненароком И пригвоздили их к раскрашенным столбам.

Мне дела не было до прочих экипажей С английским хлопком их, с фламандским их зерном. О криках и резне не вспоминая даже, Я плыл, куда хотел, теченьями влеком.

Средь всплесков яростных стихии одичалой Я был, как детский мозг, глух ко всему вокруг. Лишь полуостровам, сорвавшимся с причала, Такая кутерьма могла присниться вдруг.

Мой пробужденья час благословляли грозы, Я легче пробки в пляс пускался на волнах, С чьей влагою навек слились людские слезы, И не было во мне тоски о маяках.

Сладка, как для детей плоть яблок терпко-кислых, Зеленая вода проникла в корпус мой И смыла пятна вин и рвоту; снасть повисла, И был оторван руль играющей волной.

С тех пор купался я в Поэме океана, Средь млечности ее, средь отблесков светил И пожирающих синь неба неустанно Глубин, где мысль свою утопленник сокрыл;

Где, в свой окрасив цвет голубизны раздолье, И бред, и мерный ритм при свете дня вдали, Огромней наших лир, сильнее алкоголя, Таится горькое брожение любви.

Я знаю рвущееся небо, и глубины, И смерчи, и бурун, я знаю ночи тьму, И зори трепетнее стаи голубиной, И то, что не дано увидеть никому.

Я видел, как всплывал в мистическом дурмане Диск солнца, озарив застывших скал черты, Как, уподобившись актерам в древней драме, Метались толпы волн и разевали рты.

Я грезил о ночах в снегу, о поцелуях, Поднявшихся к глазам морей из глубины, О вечно льющихся неповторимых струях, О пенье фосфора в плену голубизны.

Я месяцами плыл за бурями, что схожи С истерикою стад коровьих, и ничуть Не думал, что нога Пречистой Девы может, Смирняя океан, ступить ему на грудь.

Я направлял свой бег к немислимым Флоридам, Где перемешаны цветы, глаза пантер, Поводья радуги, и чуждые обидам Подводные стада, и блеск небесных сфер.

Болот раскинувшихся видел я броженье, Где в вершах тростника Левиафан гниет; Средь штиля мертвого могучих волн движенье, Поток падаящий в бездну небосвод.

Ртуть солнца, ледники, костров небесных пламя! Заливы, чья вода становится темней, Когда, изъеденный свирепыми клопами, В них погружается клубок гигантских змей.

Я детям показать хотел бы рыб поющих, И золотистых рыб, и трепетных дорад... Крылатость придавал мне ветер вездесущий, Баюкал пенистый, необозримый сад.

Порой, уставшему от южных зон и снежных, Моря, чей тихий плач укачивал меня, Букеты мрака мне протягивали нежно, И, словно женщина, вновь оставался я.

Почти как остров, на себе влачил я ссоры Птиц светлоглазых, болтовню их и помет. Сквозь пути хрупкие мои, сквозь их узоры Утопленники спать шли задом наперед.

Итак, опутанный коричневою пряжей, Корабль, познавший хмель морской воды сполна, Я, чей шальной каркас потом не станут даже Суда ганзейские выуживать со дна;

Свободный, весь в дыму, туманами одетый, Я, небо рушивший, как стены, где б нашлись Все эти лакомства, к которым льнут поэты,-Лишайник солнечный, лазоревая слизь;

Я, продолжавший путь, когда за мной вдогонку Эскорты черных рыб пускались из глубин, И загонял июль в пылавшую воронку Ультрамарин небес ударами дубин;

Я, содрогавшийся, когда в болотной топи Ревела свадьба бегемотов, сея страх,-Скиталец вечный, я тоскую по Европе, О парапетах ее древних и камнях.

Архипелаги звезд я видел, видел земли, Чей небосвод открыт пред тем, кто вдаль уплыл... Не в этих ли ночах бездонных, тихо дремля, Ты укрываешься, Расцвет грядущих сил?

Но слишком много слез я пролил! Скорбны зори, Свет солнца всюду слеп, везде страшна луна. Пусть мой взорвется киль! Пусть погружусь я в море! Любовью терпкою душа моя пьяна.

Коль мне нужна вода Европы, то не волны Ее морей нужны, а лужа, где весной, Присев на корточки, ребенок, грусти полный, Пускает в плаванье кораблик хрупкий свой.

Я больше не могу, о воды океана, Вслед за торговыми судами плыть опять, Со спесью вымпелов встречаться постоянно Иль мимо каторжны баркасов проплывать.

Гласные

А -- черный, белый -- Е, И -- красный, У -- зеленый, О -- синий... Гласные, рождений ваших даты Еще открою я... А -- черный и мохнатый Корсет жужжащих мух над грудью зловонной.

Е -- белизна шатров и в хлопьях снежной ваты Вершина, дрожь цветка, сверканье короны; И -- пурпур, кровь плевка, смех, гневом озаренный Иль опьяненный покаяньем в час расплаты.

У -- цикл, морской прибой с его зеленым соком, Мир пастбищ, мир морщин, что на челе высоком Алхимией запечатлен в тиши ночей.

О -- первозданный Горн, пронзительный и странный. Безмолвье, где миры, и ангелы, и страны, -- Омега, синий луч и свет Ее Очей.

Рыдала розово звезда в твоих ушах, Цвела пунцово на груди твоей пучина, Покоилась бело бескрайность на плечах, И умирал черно у ног твоих Мужчина.

Вороны

В гнетущий холод, в непогоду, Когда в селениях вокруг Молитвы умолкает звук, Господь, на скорбную природу, На эту тишину и глушь Ты с неба воронов обрушь.

Войска, чьи гнезда ветер хлещет, Войска, чей крик печально-строг, Вы над крестами у дорог, Над желтизною рек зловещих, Над рвами, где таится ночь, Слетайтесь! Разлетайтесь прочь!

И над французскими полями, Где мертвецы хранят покой, Кружитесь зимнею порой, Чтоб жгла нас память, словно пламя. О крик тревожный черных стай, Наш долг забыть нам не давай!

Но майских птиц с их чистым пенем Печалью не вспугни своей: Оставь их тем, кто средь полей Навеки нашим пораженьем, Не знающим грядущих дней, Прикован к немоте корней.

* ПОСЛЕДНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ *

Воспоминание

I

Прозрачная вода, как соль слезинок детства; порывы к солнцу женских тел с их белизною; шелка знамен из чистых лилий под стеною, где девственница обретала по соседству защиту. Ангелов возня.-- Нет... золотое течение, рук его движенье, черных, влажных и свежих от травы. Ей, сумрачной, неважно, холмов ли тень над ней иль небо голубое.

II

О мокрое окно и пузырьрей кипенье! Вода покрыла бледным золотом все ложе. Зелено-блеклые одежды дев похожи на ивы, чья листва скрывает птичье пенье.

Как веко желтое, и чище луидора, раскрылась лилия,-- твоя, Супруга, верность! -на тусклом зеркале, испытывая ревность к Светилу милому, что скроется так скоро.

III

Мадам стояла слишком прямо на поляне соседней; зонт в руке, и попирая твердо цветок раздавленный; она держалась гордо; а дети на траве раскрыли том в сафьяне и принялись читать. Увы, Он удалился... Подобно ангелам, расставшимся в дороге, невидим за холмом. И вот Она в тревоге, черна и холодна, бежит за тем, кто скрылся.

IV

О скорбь травы густой и чистой! На постели священной золото луны апрельской... Счастье прибрежных брошенных строений, что во власти у летних вечеров, изгнавших запах прели.

Под валом крепостным пусть плачет! Как на страже, дыханье тополей от ветра ждет движенья. Гладь серая затем, и нет в ней отражений, и трудится старик на неподвижной барже.

V

Игрушка хмурых вод, я не могу, не смею, -- о неподвижный челн, о слабость рук коротких! -ни желтый тот цветок сорвать, ни этот кроткий, что с пепельной воды манит меня, синяя.

На ивах взмах крыла колеблет паутину. Давно на тростниках бутонов не находят. Мой неподвижен челн, и цепь его уходит в глубины этих вод -- в какую грязь и тину?

О сердце, что для нас вся эта пелена Из крови и огня, убийства, крики, стон, Рев бешенства и взбаламученный до дна Ад, опрокинувший порядок и закон?

Что месть для нас? Ничто!..-- Но нет, мы мстить хотим! Смерть вам, правители, сенаты, богачи! Законы, власть -- долой! История -- молчи! Свое получим мы... Кровь! Кровь! Огонь и дым!

Вс" -- в пламя мести, и террора, и войны! Кусаться научись, мой разум! Пробил час Республик, царств, границ -- преграды сметены! Империи, войска, народы, хватит с нас!

Кто будет раздувать вихрь яростных огней? Мы будем! И все те, кто нам по духу братья, К нам, романтические друзья! О рев проклятий! Работать? Никогда! Так будет веселей.

Европа, Азия, Америка -- вс" прочь! Наш марш отмщения сметает вехи стран, Деревни, города! -- Нас всех поглотит ночь! Вулканы взорваны. Повержен Океан...

Конечно, братья мы! О да, мои друзья! К нам, незнакомцы чернолицые! За мной! О горе, я дрожу... О древняя земля! На вас и на меня обрушен пласт земной.

Нет ничего! Я здесь. Как прежде здесь.

Мишель и Кристина

К чертям, коль эти берега покинет солнце! Потоки света, прочь! На всех дорогах мгла. Гроза на ивы и на старый двор почета Швырять свои большие капли начала.

Ягнята белые, о воины идиллий, Поникший вереск, акведуки,-- прочь и вы Бегите, Луг, поля, равнины в изобилье Раскиданы по красной скатерти грозы.

Собака черная, пастух над бездной серой, Бегите прочь от высших молний! И когда Приходит этот час и льются мрак и сера, Спускайтесь в лучшие убежища, стада.

Но я, о Господи... Моя душа взлетает К оледеневшим небесам, где все красней Становится от туч небесных, что летают Над ста Солоньями длиннее, чем рейлвей.

Вот тысячи волков, семян от ветви дикой, Гонимых вдаль религиозно-грозовым Полдненным вихрем над Европою великой, Где сотни орд пройдут по древним мостовым.

А после -- лунный свет! Вокруг простерлись ланды. И алые под черным небом, на конях Гарцуют воины, повсюду сея страх, И топот слышится свирепой этой банды.

Увижу ль светлый дол, струящийся поток, Голубоглазую Жену белее лилий И Мужа рядом

с ней... И Агнец у их ног... -- Мишель, Кристина -- и Христос! -- Конец Идиллий.

Слеза

Вдали от птиц, от пастбищ, от крестьянок, Среди вереска коленапреклоненный, Я жадно пил под сенью нежных рощ, В полднейной дымке, теплой и зеленой.

Из этих желтых фляг, из молодой Уазы, -- Немые вязы, хмурость небосклона, -От хижины моей вдали что мог я пить? Напиток золотой и потогонный.

Дурною вывеской корчмы как будто стал я. Затем все небо изменилось под грозой. Был черный край, озера и вокзалы, И колоннада среди ночи голубой.

В песок нетронутый ушла лесная влага, Швырялся льдинками холодный ветер с неба... Как золота иль жемчуга ловец, Желаньем пить объят я разве не был?

Май 1872

Черносмородинная река

Реки Черносмородинной поток

Бежит, неведом. И вороны, как ангелы, в свой рог

Трубят и следом За речкой мчатся... В соснах ветерок

Нырять следом.

Все мчится за толпою тайн дурных,

Тайн древних деревень, Старинных замков, парков, стен глухих;

И рыцарская тень, Блуждая, шепчет о страстях своих...

Но чист и свеж там день!

Пусть пешеход посмотрит сквозь просвет:

Воспрянет духом он. Солдаты леса, вороны, привет!

Вас бог прислал, чтоб вон Был изгнан вами хитрый домосед,

Крестьянин-скопидом.

Май 1872

Комедия жажды

1. Предки

Да, предки мы твои!

Взгляни: Отвагою полны Бутыли вин сухих. Холодный пот луны И зелени на них. Под солнцем человек Что хочет? Пить и пить!

Я. -- Вблизи дикарских рек Мне б голову сложить.

Твои мы предки, да!

Вода В деревьях и кустах; Взгляни: она во рвах Под замком и кругом. Спустишь к нам в погреба, А молоко -- потом.

Я. -- Туда, где пьют стада!

Да, предки мы твои!

Бери Наливки из шкафов, У нас и чай готов, И кофе уж готов. -- Мы с кладбища вернулись С букетами цветов.

Я. -- Все урны осушить бы!

2. Дух

Вечные Ундины, Мерьте вод глубины. Над морской волной, Афродита, взмой.

Агасфер Норвегии, Расскажи о снеге мне. Древний сын изгнания, Спой об океане.

Я. -- Нет напиткам свежим И цветкам в стакане! От легенд не реже Мучить жажда станет.

О певец, ты кр"стный Этой дикой жажды, Гидры моей грозной, От которой стражду.

3. Друзья

Идем! Вином бурлящим Там волны в берег бьют. Аперитивы в чащах С высоких гор бегут.

Спешите, пилигримы: Зеленый ждет абсент...

Я. -- Пейзажи эти -- мимо! Что значит хмель, друзья?

Нет! Стать добычей тлена Я предпочту скорей В пруду, под мерзкой пеной, Средь затонувших пней.

4. Убогая мечта

Быть может, ждет меня Старинный Город где-то, И буду до рассвета Там пить спокойно я, И смерть приму за это.

Утихла б боль моя, Будь денег хоть немного,-На Север мне дорога Иль в южные края? О нет! Мечта убога

И множит счет потери, И пусть я снова стану Скитальцем неустанным -Не будет мне открыта Корчмы зеленой зверь.

5. Заключительное

Дрожащие на поле голубки, Ночной зверек, бегущий наугад, Животные в загонах, мотыльки Последние -- те тоже пить хотят.

Дух испустить, растаять... Где -- неважно: Средь облаков, что тают в небесах, Или среди фиалок этих влажных, Чью свжесть зори пролили в лесах.

Май 1872

Добрые мысли поутру

Под утро, летнею порой, Спят крепко, сном любви объаты. Вечерних пиршеств ароматы Развеяны зарей.

Но там, где устремились ввысь Громады возводимых зданий, Там плотники уже взялись За труд свой ранний.

Сняв куртки, и без лишних слов, Они работают в пустыне, Где в камне роскошь городов С улыбкою застынет.

Покинь, Венера, ради них, Покинь, хотя бы на мгновенье, Счастливец избранных твоих, Вкусивших наслажденье.

Царица пастухов! Вином Ты тружеников подкрепи! И силы Придай им, чтобы жарким днем Потом их море освежило.

Май 1872

Празднества терпения

1. Майские ленты.-- 2. Песня самой высокой башни.-- 3. Вечность.-- 4. Золотой век

(1) Майские ленты

В сплетеньях светлых веток лип Угас охотничий призыв. Однако мудрых песен стаи В кустах смородины порхают. Пусть кровь смеется в наших венах. Лоза с лозой сплелись невинно. Красиво небо, словно ангел. Лазурь сливается с волною. Я выхожу. Коль сердце ранит Меня лучом, в траву я рухну.

Терпеть ли, предаваться ль скуке Так просто! Прочь мои невзгоды! О пусть трагическое лето Меня к своим коням привяжет, И пусть из-за тебя, Природа, -- Не столь ничтожным, одиноким -Умру я. Чтоб не умирали Повсюду в мире Пастухи.

Хочу, чтоб временами года Был истомлен я. Голод, жажду Тебе, Природа, я вручаю. Корми, пои меня, коль хочешь. Ничто меня не обольщает. И никому я не желаю Дарить улыбку. Пусть же будет Свободною моя беда.

Май 1872

(2) Песня самой высокой башни

Молодости праздной Неуемный пыл, С чувством сообразно Я себя сгубил. Время б наступило, Чтоб любовь царила!

Сам себе сказал я: Хватит! Уходи! И не обещал я Радость впереди. О, не знай сомненья, Дух уединенья!

Так терпел я много, Что не помню сам; Муки и тревога Взмыли к небесам; И от темной жажды Вены мои страждут.

Брошенное поле Так цветет порой Ароматом воли, Сорною травой Под трезвон знакомый Мерзких насекомых.

О душа, что нищей Стала от потерь! Лишь один все чище Образ в ней теперь. Но, молитвы, где вы Для Пречистой Девы?

Молодости праздной Неуемный пыл, С чувством сообразно Я себя сгубил. Время б наступило, Чтоб любовь царила!

Май 1872

(3) Вечность

Ее обрели. Что обрели? Вечность! Слились В ней море и солнце!

О дух мой на страже, Слова повтори Тьмы ночи ничтожной, Зажженной зари.

Людей одобренье, Всеобщий порыв -Ты сбросил их бремя И воспарил.

Ведь только у этих Атласных костров Высокий Долг светит, Нет суетных слов.

Надежды ни тени, Молитв ни на грош, Ученье и бденье, От мук не уйдешь.

Ее обрели. Что обрели? Вечность! Слились В ней море и солнце!

Май 1872

(4) Золотой век

Звуча в тишине, И с ангельским схожий, --А речь обо мне,-Стал голос чуть строже:

Ты видишь, их тьма Вопросов, сомнений, Что сводят с ума, Таят опьяненье.

Признай эту башню Веселья и света: То волны и пышность, Семья твоя это!

И стал он петь песню Веселья и света, Был видим так ясно, -- И пел я с ним вместе,-

Признай эту башню Веселья и света: То волны и пышность, Семья твоя это!.. и т.д. ...

И вот в тишине Он, с ангельским схожий, -- А речь обо мне,-Звучать начал строже;

И пел он потом, Тот голос прекрасный, Немецкий в нем тон, Но пылкий и страстный.

Мир грешен всегда, К чему удивляться? Живи! А беда Пусть прочь удалится.

О замок! О свет! Как жизнь твоя свята! Какой тебе век, О царственный блеск Высокого брата? и т.д. ...

Я тоже пою: О хор величавый! Вас, братья, молю, Овейте мою Жизнь чистою славой... и т.д. ...

Июнь 1872

Юная чета

В окне простор зелено-голубой; Почти нет места: сундуки, шкатулки... Снаружи вьется кирказон по стенке, И десны обнажает домовой.

Конечно же, интриги духов это -Расходы, беспорядок, старый хлам. И фея африканская примета Здесь оставляет -- сетки по углам.

Приходит,-- недовольный вид у крестной,-И остается, спрятавшись в буфет... Отсутствует чета, но несерьезно, И ничего особенного нет.

Молодожена ветер здесь дурачит В его отсутствие -- все время и всегда. И даже водяные духи скачут Над сводами алькова иногда.

А ночью... О! Медовый месяц ночью Сорвет улыбку их, прольет он медь На небосвод... Но крыса зубы точит, И дело с ней придется им иметь,-

Коль огонек блуждающий и бледный Не вспыхнет вдруг, как выстрел в тишине. О привиденья в белом Вифлиема, Храните синеву у них в окне!

27 июня 1872

Брюссель

Июль

Бульвар Регента

Куртины амарантов вплоть да самых Колонн дворца Юпитера... Я знаю, Что это Ты к оттенкам этих мест Примешиваешь Синеву почти Сахары.

Затем, поскольку ель и роза солнца Здесь обрели пристанище свое, То вот и клетка вдовушки...

О сколько Отрядов певчих птиц: йа-йо, йа-йо!

Былые страсти, тихие дома! Беседки той, что от любви с ума Сошла, затем цветник и полутьма Балкона невысокого Джульетты.

И в памяти всплывает Генриетта, Прелестный полустанок в сердце гор, Где синие танцуют дьяволята, Сбежавшие на воздух, на простор.

Зеленая скамья, где под гитару О рае грозвом поет ирландка. Потом в столовой гомон спозаранку, Возня детей и щебет клетки старой.

Вот герцога окно: в его сверканье Я вижу яд улиток и кругом Самшит, на солнце спящий.

А потом... Красиво как! Давай хранить молчанье.

Бульвар, где ни торговли, ни движенья, Беззвучный, весь комедия и драма, Собрание сцен, иных и тех же самых, Тобою восхищаюсь я в молчанье.

Альмея ли она? В голубизне начальной Цветком увядшим не осыпется ль печально Перед безмерностью пространства, в чьем сверканье Таится города расцветшего дыханье?

Красиво как! О да, красиво... Но ведь это Для песни надо, что Корсарами пропета, И чтобы верили еще ночные маски В прозрачность волн морских, в их праздничные пляски.

Июль 1872

Праздник голода

Голод мой, Анна, Анна,

Мчит на осле неустанно.

Уж если что я приемлю, Так это лишь камни и землю. Динь-динь-динь, есть будем скалы, Воздух, уголь, металлы.

Голод, кружись! Приходи,

Голод великий! И на поля приведи

Яд повилики.

Ешьте Битых бульжников горы, Старые камни собора, Серых долин валуны Ешьте в голодную пору.

Голод мой -- воздух черный,

Синь, что рвется на части, Все это -- рези в желудке,

Это -- мое несчастье.

Появилась листва, сверкая; Плоть плодов стала мягче ваты. Я на лоне полей собираю Фиалки и листья салата.

Голод мой, Анна, Анна,

Мчит на осле неустанно.

Август 1872

х х х

Волк под деревом кричал, И выплевывал он перья, Пожирая дичь... А я, Сам себя грызу теперь я.

Ждет салат и ждут плоды, Чтоб срывать их стали снова. А паук фиалки ест, Ничего не ест другого.

Мне б кипеть, чтоб кипятком Возле храма Соломона Вдоль по ржавчине потек, Слился с водами Кедрона.

Прислушайся к вздохам И крикам в ночи Обвитых горохом Зеленых тычин.

Луной залитые, Средь дымки и снов Мелькают святые Минувших веков.
Вдали от калиток, Стогов и оград Пить тайный напиток Святые хотят.
Не праздничный это И не астральный Туман до рассвета Из ночи печальной.
И все же они Остаются, конечно, В тумане том грустном И побледневшем.

О замки, о семена времен! Недостатков кто не лишен?

О замки, о семена времен!

Постигал я магию счастья, В чем никто не избегнет участия.

Пусть же снова оно расцветет, Когда галльский петух пропоет.

Больше нет у меня желаний: Опекать мою жизнь оно станет.

Обрели эти чары плоть, Все усилья смогли побороть.

Что же слово мое означает? Ускользает оно, улетает!

О замки, о семена времен!

Позор

Покуда нож в его Мозгах, в их липкой массе, С удара одного Все мысли не погасит,
(О, надо бы еще И нос ему и губы Отсечь! Пришел расчет! Живот вспороть ему бы!)

Да, надо! Ведь пока Мозг не пронзят клинками, Не отобьют бока, Кишки не бросят в пламя,

Ребенок, что всегда Помеха всем и бремя, Лгать будет без стыда И предавать все время;

Загадит все кругом, Как дикий кот... О боже! Когда умрет -- о нем Вы помолитесь все же.

* ОЗАРЕНИЯ *

После Потопа

Как только угомонилась идея Потопа, заяц остановился среди травы и кивающих колокольчиков и помолился радуге сквозь паутину.

О драгоценные камни, которые прятались, цветы, которые уже открывали глаза!

На грязной улице появились прилавки, и потянулись лодки по направлению к морю, в вышине громоздящемся, как на гравюре.

Кровь потекла -- и у Синей Бороды, и на бойнях, и в цирках, где божья печать отметила побледневшие окна. Кровь и молоко потекли.

Бобры стали строить. "Мазаграны" дымились в кофейнях.

В большом, еще струящемся доме дети, одетые в траур, рассматривали восхитительные картинки.

Хлопнула дверь -- и на площади деревушки ребенок взмахнул руками, ребенок стал понимать флюгера и петухов колоколен под сверкающим ливнем.

Мадам *** установила фортепьяно в Альпах. Шла месса, и шли церемонии первых причастий в соборах.

Караваны тронулись в путь. И Великолепный Отель был построен среди хаоса льдов и полярной ночи.

С тех пор Луна стала слышать, как плачут шакалы в тимьянных пустынях, и слышать эклоги в сабо, чье ворчанье разлетается в садах. Затем в фиолетовой роще сказала мне Эвхарис, что это -- весна.

Пруд, закипи! Пена, беги по мостам и над лесом! Черный покров и органы, молнии, гром, поднимитесь, гремите! Воды и грусть, поднимитесь и возвратите потопы!

Потому что с тех пор, как исчезли они,-- о скрывающиеся драгоценные камни, о раскрывшиеся цветы! -- наступала скука. О Королева, Колдунья, которая раздувает горящие угли в сосуде из глины, никогда не захочет нам рассказать, что знает она и что нам неизвестно.

Детство

I

С желтою гривой и глазами черного цвета, без родных и двора, этот идол во много раз

благородней, чем мексиканская или фламандская сказка; его владенья -- лазурь и дерзкая зелень -- простираются по берегам, что были названы свирепо звучащими именами греков, кельтов, славян.

На опушке леса, где цветы сновидений звенят, взрываются, светят,-- девочка с оранжевыми губами и с коленями в светлом потоке, хлынувшем с луга; нагота, которую осеняют, пересекают и одевают радуги, флора, моря.

Дамы, что кружат на соседних морских террасах; дети и великанши; великолепные негритянки в медно-зеленой пене; сокровища в рощах с тучной землей и в оттаявших садиках - юные матери и взрослые сестры с глазами, полными странствий, султанши, принцессы с манерами и в одеянье тиранок, маленькие чужестранки и нежно-несчастные лица.

Какая скука, час "милого тела" и "милого сердца"!

II

Это она, за розовыми кустами, маленькая покойница.-- Молодая умершая мать спускается тихо с крыльца.-- Коляска кузена скрипит по песку.-- Младший брат (он в Индии!) здесь, напротив заката, на гвоздичной лужайке. Старики, которых похоронили у земляного вала в левкоях.

Рой золотистых листьев окружает дом генерала. Полдень для них наступил.-- Надо идти по красной дороге, чтобы добраться до безлюдной корчмы. Замок предназначен к продаже.-- Ключ от церкви кюре, должно быть унес.-- Пустуют сторожки около парка. Изгородь так высока, что видны лишь вершины деревьев. Впрочем, не на что там посмотреть.

Луга подползают к селеньям, где нет петухов и нет наковален. Поднят шлюзный затвор. О, кресты у дороги и мельницы этой пустыни, острова и стога!

Жужжали магические цветы. Баюкали склоны. Бродили сказочно изящные звери. Тучи собирались над морем, сотворенным из вечности горьких слез.

III

Есть птица в лесу, чье пение вас останавливает и заставляет вас покраснеть.

Есть на башне часы, которые не отбивают время.

Есть овраг, где скрываются белые звери.

Есть собор, который опускается в землю, и озеро, в котором вода поднялась.

Есть небольшой экипаж, оставленный на лесосеке или быстро катящийся вниз по тропе и украшенный лентами.

Есть маленькие бродячие комедианты, что видны на дороге, сквозь листву на опушке леса.

Наконец, есть кто-то, кто гонит вас прочь, когда вас мучают голод и жажда.

IV

Я -- святой, молящийся на горной террасе, когда животные мирно пасутся, вплоть до Палестинского моря.

Я -- ученый, усевшийся в мрачное кресло. Ветви и дождь бросаются к окнам библиотеки.

Я -- пешеход на большой дороге через карликовые леса; мои шаги заглушаются рокотом шлюзов. Я долго смотрю на меланхолическую и золотистую стирку заката.

Я стал бы ребенком, который покинут на дамбе во время морского прилива, слугою маленьким стал бы, который идет по аллее и головою касается неба.

Тропинки суровы. Холмы покрываются дроком. Неподвижен воздух. Как далеки родники и птицы! Только конец света, при движении вперед.

V

Пусть наконец-то сдадут мне эту могилу, побеленную известью и с цементными швами, далеко-далеко под землей.

Я облокотился на стол; яркая лампа освещает журналы, которые я перечитываю, как идиот;

освещает книги, лишённые смысла.

На большом расстоянии отсюда, над моим подземным салоном, укоренились дома и сгустились туманы. Красная или черная грязь. Чудовищный город, бесконечная ночь!

Несколько ниже -- сточные трубы. По сторонам -- только толща земли. Быть может, встречаются здесь луна и кометы, море и сказки.

В час горечи я вызываю в воображенье шары из сапфира, шары из металла. Я -- повелитель молчанья. Почему же подобье окна как будто бледнеет под сводом?

Сказка

Некий Принц был рассержен на то, что ему предназначено только стремиться к совершенству вульгарных щедрот. Он предвидел поразительные перевороты в любви; полагал, что все его женщины были способны на большее, чем на угодливость, украшенную небом и роскошью. Истину видеть хотел он, время желаний и главного их исполненья. Было ли это или не было заблуждением веры, но так он хотел. Во всяком случае, он обладал довольно большой человеческой властью.

Женщины, которые знали его, все были убиты. Какой разгром в саду красоты! Под саблей они благословляли его. Он не требовал новых.-- Женщины вновь появлялись.

Всех, кто сопровождал его, он уничтожил, после возлияний или после охоты.-- Свита снова сопровождала его.

Он забавлялся убийством великолепных зверей. Поджигал дворцы. Бросался на людей и разрывал их на части.-- Толпа, золотые крыши и красивые звери по-прежнему существовали.

Можно ли упиваться уничтоженьем и черпать в жестокости новые силы! Народ не роптал. Никто не предлагал своих мнений.

Однажды вечером он гордо гарцевал на коне. Вдруг некий Демон явился, невыразимо, даже постыдно прекрасный. От его лица и осанки исходило обещанье любви, разнообразной и сложной, и обещанье неизреченного, даже невыносимого счастья. Принц и Демон, возможно, исчезли в первопричинном здоровье. Как могли они оба от этого не умереть? Вот они и умерли вместе.

Но Принц, достигнув обычного возраста, скончался у себя во дворце. Принц был Демоном. Демон был Принцем.

Тонкой музыки не хватает нашим желаньям.

Парад

Здоровеннейшие пройдохи. Из которых многие эксплуатировали ваши миры. Без особой нужды и не очень спеша проявить свои блистательные способности и знание вашей души. Какие зрелые люди! Глаза, ошалевшие наподобие летней ночи,-- красные, черные или трехцветные, или как сталь, протыкающая золотую звезду. Искраженные, бледные, воспламененные или свинцовые лица. Игривая хрипота голосов. И беспощадный размах мишуры! Тут есть и совсем молодые,-- интересно, как встретили бы они Керубино? -- наделенные страшными глотками и опасными средствами. Выряженных с отвратительной роскошью, их посылают в город совершать нападения исподтишка.

О самый неистовый Рай свирепой гримасы! Никакого сравнения с трюками ваших Факиров и с прочей театральной буффанадой. В импровизированных одеяньях, где проявился их вкус к безобразной мечте, они играют старые песни, играют трагедии темных бродяг и полубогов, чей дух никогда не был духом истории или религий. Китайцы, готтентоты, цыгане, гиены, Молохи, старые бредни, зловещие демоны, - они соединяют популярные детские трюки со скотской нежностью и скотским позерством. Они могли бы исполнять и новые пьесы, и песенки для благонравных девиц. Мастера-шарлатаны, они преображают местность и лица, пускают в ход гипнотическое комедианство. Глаза пылают, кровь в жилах поет, удлиняются кости, капают

слезы, стекают красные струйки. Их шутка или террор могут длиться минуту, могут длиться годами.

Лишь я один обладаю ключом от этого варварского парада.

Антика

Изящный сын Пана! Твоя голова, увенчанная цветами и ягодами, вращает шарами из драгоценного камня -- глазами. В бурных пятнах вина твои щеки. Сверкают кльки. Грудь похожа на цитру, и звон пробегает по рукам твоим светлым. В лоне бьется сердце твое, где спит твой девственный секс. Шевельнув тихонько бедром, вторым бедром и левой ногою, выходи по ночам на прогулку.

Being Beauteous

Перед снегом -- Воплощение Красоты высокого роста. Посвист смерти и расходящиеся круги приглушенной музыки подхватывают, и расширяют, и заставляют дрожать, словно призрак, это страстно любимое тело; пунцовые и черные раны взрываются на великолепнейшей плоти. Чистые краски жизни высвобождаются и танцуют вокруг Виденья, которое еще создают. И разбуженный трепет рокочет, и неистовый привкус всех этих причин наполняется свистом смертельным и хриплою музыкой: это мир, оставшийся далеко позади, бросает их в нашу мать красоты -- она отходит назад, она поднимается ввысь. О! Наши кости оделись в новое, влюбленное тело.

х х х

О пепельное лицо, эмблема волос, хрустальные руки! Жерло орудия, на которое должен я броситься -- сквозь ветер и буйство деревьев.

Жизни

I

О огромные улицы священной страны и террасы храма! Что случилось с брамином, который объяснял мне Притчи? Я все еще вижу старух, как тогда их видел. Вспоминаю серебряные и солнечные мгновенья около рек, вспоминаю руку подруги у себя на плече и наши ласки в пряных долинах.-- Взлетают ярко-красные голуби, и шум их крыльев раздаётся вокруг моих мыслей.-- Изгнанный в эти края, имел я подмости, где можно играть драматические шедевры всех на свете литератур. Я мог бы показать вам неслыханные богатства. Я храню историю когда-то найденных вами сокровищ. Я вижу ее продолженье. Моя мудрость презираема так же, как хаос. Что значит мое небытие по сравнению с оцепененьем, которое вас ожидает?

II

Я -- изобретатель, достойный совсем иной похвалы, чем те, кто предшествовал мне; я -- музыкант, нашедший нечто похожее на ключ от любви. В настоящее время -- сеньор, живущий в терпких краях под трезвыми небесами, я пытаюсь расчувствоваться, вспоминая нищее детство, ученичество и свое появление в сабо, вспоминая шумные споры, пять или шесть безвозвратных потерь и эти пирушки, когда моя крепкая голова мне мешала подняться до диапазона друзей. Я не жалею о прежнем участии в благословенном веселье: трезвый воздух этой терпкой деревни энергично питает ужасный мой скептицизм. Но так как скептицизм этот ныне не может найти применения, а сам я предан новым волненьям,-- то я ожидаю своего превращения в бесконечно злого безумца.

III

На чердаке, куда двенадцатилетнего меня запирали, я постигал этот мир, я иллюстрировал человеческую комедию. Историю я изучал в подвале. На каком-то празднике, ночью, в одном из северных городов я повстречал всех женщин старинных художников. В Париже, в старом пассаже, мне преподавали классические науки. В великолепном жилище, в окруженье Востока, я завершал мое большое творенье, удаляясь в прославленное уединенье. Я разжигал свою кровь.

Долг оплачен. Даже думать об этом больше не надо. Я в самом деле из загробного мира,-- и никаких поручений.

Отъезд

Довольно того, что узрел. Виденья встречались повсюду.

Довольно того, чем владел. Гул городов и под солнцем, и по ночам, и всегда.

Довольно того, что познал. Станции жизни.-- О, эти Виденья и Гул!

Отъезд среди нового шума и новой любви!

Королевское утро

В одно прекрасное утро, в стране, где жили кроткие люди, великолепная пара огласила криками площадь: "Друзья мои, я хочу, чтобы она была королевой!" -- "Я хочу королевую статью!" Она смеялась и трепетала. Он друзьям говорил об откровении, о конце испытанья. Они оба млели в объятьях друг друга.

В самом деле, королем с королевой были они в течение утра, когда карминовая окраска поднялась над домами, и в течение полдня, когда исчезли они под пальмами сада.

К разуму

Ударом пальца по барабану ты из него исторгаешь все звуки -начало гармонии новой.

Один твой шаг -- и поднимаются новые люди, ведя других за собою.

Отвернулась твоя голова -- это новой любви зарожденье! Повернулась она -- зарожденье новой любви.

"Измени нашу участь, изрешети все бичи, начиная с бича по имени время",-- поют тебе дети. "Подними и возвысь, где бы ни было, сущность наших стремлений и нашего счастья",- обращаются с просьбой к тебе.

Из всегда к нам пришедший, ты будешь повсюду.

Утро опьянения

О мое богатство! Мой мир красоты! О чудовищные фанфары, от которых я не отпрянул! Волшебная дыба! Ура в честь небывалого дела и чудесного тела и в честь первого раза! Это началось под смех детворы, это и кончится так же. Яд останется в нашей крови даже тогда, когда умолкнут фанфары и снова мы будем во власти былых дисгармоний. А теперь, достойные всех этих пыток, лихорадочно соединим воедино сверхчеловеческое обещание, данное нашему телу и нашей душе, и это безумье! Изящество, знанье, насилье! Нам обещано было, что дерево зла и добра закопают во мрак и что изгнано будет тираническое благородство, чтобы мы за собой привели очень чистую нашу любовь. Это началось с отвращения и кончилось беспорядочным бегством всех ароматов, потому что мы не могли ухватиться за вечность.

Смех детей, осторожность рабов, строгость девственниц, ужас лиц и предметов отсюда,-- благословенны вы все за воспоминанье о ночи бессонной. Началось это с мерзости, кончилось ангелом льда и огня.

Опьяненное бдение свято, хотя бы за маску, которую нам даровало. Метод, мы утверждаем тебя! И не забудем, что ты вчера прославлял всех сверстников наших. Верим в яд. Жизнь умеем свою отдавать целиком, ежедневно.

Наступило время Убийц.

Фразы

Когда этот мир однажды будет сведен к одному только темному лесу, предназначенному для четырех наших глаз удивленных,-к одному только пляжу для двух сохраняющих верность детей,-к одному музыкальному дому для нашего светлого чувства,-- я вас отыщу.

Будь здесь только одинокий старик, прекрасный, спокойный и окруженный "неслыханной роскошью",-- я склонюсь перед вами.

Воплоти я все ваши воспоминанья,-- будь я той, кто смогла бы связать вас по рукам и

ногам,-- и я задушу вас.

х х х

Когда мы очень сильны,-- кто отступает? Когда мы веселы очень,-- кто хохотать начинает? Когда мы очень свирепы,-что поделаешь с нами? Наряжайтесь, танцуйте, смейтесь! Я никогда не смогу прогнать Любовь за порог.

х х х

Моя подружка, нищенка, маленький монстр! Как тебе безразличны и эти несчастные, и эти уловки, и мои затруднения! Не порывая с нами, пусть нам звучит твой невыносимый голос: он в отвратительном этом отчаянье -единственный наш утешитель.

х х х

Пасмурное утро -- в июле. Привкус ветра наполняет воздух; запах дров, потеющих в печке; отмокающие цветы; ограбленные прогулки; морозящая влага каналов через поля,-- почему же тогда ни игрушек, ни фимиамов?

х х х

Между колоколен протянул я канаты, между окон протянул гирлянды, от звезды к звезде -- золотые цепи, и вот я танцую.

х х х

Высокий пруд постоянно дымится. Какая колдунья будет возвышаться над белым закатом? Какая листва фиолетовая будет склоняться?

х х х

В то время как деньги казны изливаются празднествам братства, огненно-розовый колокол бьет в облаках.

х х х

Оживляя приятный вкус туши, черная пыль моросит на мою бессонную ночь.-- Я приглушаю свет люстры, бросаюсь в кровать и, повернувшись лицом к темноте, вижу вас, мои девушки, мои королевы!

Рабочие

О, это жаркое февральское утро! Несвоевременный Юг расшевелил воспоминания бедняков несуразных о их молодой нищете.

Эника носила хлопчатобумажную юбку в коричневую и белую клетку -- в прошлом веке такие, должно быть, носили,-чепчик с лентами, шелковый шейный платок. Это выглядело грустнее, чем траур. Мы прогуливались по предместью. Было пасмурно, и ветер с Юга оживлял все мерзкие запахи опустошенных садов и иссохших полей.

Мою жену, должно быть, это не утомляло так, как меня. На высокой тропинке, в луже, оставшейся после ливней прошлого месяца, она обратила мое внимание на каких-то маленьких рыбок.

Город, с дымом своим и шумом станков, сопровождал нас далеко по дорогам. О другая страна, о места обитания, благословляемые тенью и небом! Юг мне напомнил жалкие происшествия детства, мое отчаянье летом, великое множество сил и познаний, которые судьба всегда от меня отстраняла. Нет! Не станем проводить мы лето в этом скупом и унылом краю, где всегда нам быть на положении обреченных сирот. Я хочу, чтобы эти огрубевшие руки больше не тащили за собою дорогой мне образ.

Мосты

Серое хрустальное небо. Причудливый рисунок мостов: одни прямые, другие изогнуты, третьи опускаются или под углом приближаются к первым, и эти фигуры возобновляются в озаренных круговоротах канала, но все настолько легки и длинны, что берега, отягощенные куполами, оседают, становятся меньше. Одни из этих мостов до сих пор несут на себе лачуги.

Другие служат опорой для мачт, и сигналов, и парапетов. Пересекаются звуки минорных аккордов, над берегами протянуты струны. Виднеется красная блуза, быть может, другие одежды и музыкальные инструменты. Что это? Народные песни, отрывки из великосветских концертов, остатки уличных гимнов? Вода -- голубая и серая, широкая, словно пролив.

Белый луч, упав с высокого неба, уничтожает эту комедию.

Город

Я -- эфемерный и не слишком недовольный гражданин столицы, столицы неотесанно-современной, потому что все разновидности вкуса были устранены из обстановки и внешнего вида домов, а также из планировки улиц. Вы не найдете здесь каких-либо памятников суеверью. Мораль и язык сведены -- наконец-то! -к их простейшему выражению. Эти миллионы людей, которые не нуждаются в знакомстве друг с другом, настолько схожи в своем воспитанье, работе, старенье, что жизнь их должна быть намного короче по сравнению с тем, что шальная статистика находит у народов на континенте. Поэтому из моего окна я вижу новые призраки, проносящиеся в этом густом, в этом вечном угольном дыме,-- о, наша летняя ночь! о, сумрак лесов! -- вижу новых Эриний перед коттеджем, который стал моей родиной, стал моим сердцем, ибо все здесь похоже на это,-- Смерть с сухими глазами, неугомонная наша служанка, отчаявшаяся Любовь и смазливое Преступление, что пищит, распростершись в грязи.

Дорожные колеи

Справа -- летний рассвет пробуждает листву, и дымку, и шорохи в парке; слева -- откосы покрывают фиолетовой тенью колеи непросохшей дороги. Вереница феерических зрелищ! В самом деле: повозки, куда погрузили деревянных зверей в позолоте, и шесты, и пестрые ткани; галоп двадцати цирковых пятнистых коней; дети и взрослые на своих удивительных странных животных; -- двадцать повозок, украшенных флагами и цветами, словно старинные или сказочные кареты, двадцать повозок, полных детьми, выряженными для пригородной пасторали. Даже гробы под ночным балдахинном, гробы, вздымающие эбеновые плюмажи и летящие вслед за рысью голубых и черных кобыл.

Города

Вот города! Вот народ, для которого ввысь вознеслись Аллеваны и Ливанские горы мечты! Шале, хрустальные и деревянные, движутся по невидимым рельсам и блокам. Старые кратеры, опоясанные медными пальмами и колоссами, мелодично режут среди огней. Любовные празднества звенят над каналами, висящими позади разнообразных шале. Крики колокольной охоты раздаются в ущельях. Сбегаются корпорации гигантских певцов, и, словно свет на вершинах, сверкают их флаги и одеянья. На площадках над пропастью Роланды трубят о своей отваге. Над капитанскими мостиками и над крышами постоянных дворов жар неба украшает флагами мачты. Апофеозы обрушиваются на лужайки в горах, где серафические кентаврессы прогуливаются между лавин. Выше уровня самых высоких хребтов -- море, растревоженно вечным рождением Венеры, обремененное орфическим флотом и гулом жемчужин и раковин,-- море порою мрачнеет, и тогда раздаются смертельные взрывы. На косогорах жатвы режут цветы, большие, как наше оружие и кубки. Кортэжи Мэбов, в опаловых и рыжих одеждах, появляются из оврагов. Наверху, погружая ноги в поток и колючий кустарник, олени сосут молоко из груди Дианы. Вакханки предместий рыдают, луна пылает и воет. Венера входит в пещеры отшельников и кузнецов. Дозорные башни воспевают идеи народов. Из замков, построенных на костях, льются звуки неведомой музыки. Все легенды приходят в движение, порывы бушуют в поселках. Рушится рай грозовой. Дикари не переставая пляшут на празднике ночи. И в какой-то час я погружаюсь в движение на одном из бульваров Багдада, где новый труд воспевают люди, бродя под ветром густым и не смея скрыться от сказочных призраков гор, где должны были встретиться снова.

Какие добрые руки, какое счастливое время вернет мне эти края, откуда исходят мои сновиденья и мое любимое движение?

Бродяги

Жалкий брат! Какими ужасными ночными бдениями был я ему обязан!

"Я не отдавался с пылкостью этой затее. Я забавлялся его недугом. По моей вине мы вернемся к изгнанию и рабству". Он полагал, что я -- само невезенье, что я чрезмерно и странно наивен, и приводил свои доводы, вызывающие беспокойство.

Насмешливо я возражал ему, этому сатанинскому доктору, и в конце концов удалялся к окну. За равниной, пересеченной звуками редкостной музыки, я создавал фонтаны грядущего великолепия ночи.

После этой забавы, имеющей гигиенический привкус, я растягивался на соломенном тюфяке. И чуть ли не каждую ночь, едва засыпал я, как бедный мой брат с загнивающим ртом и вырванными глазами -- таким воображал он себя! -- как бедный мой брат поднимался и тащил меня в зал, горланя о своих сновиденьях, полных идиотской печали.

Я, в самом деле, со всею искренностью, обязался вернуть его к первоначальному его состоянию, когда сыном Солнца он был и мы вместе бродили, подкрепляясь пещерным вином и сухарями дорог, в то время как я торопился найти место и формулу.

Города

Официальный акрополь утрирует самые грандиозные концепции современного варварства. Невозможно передать этот матовый свет, изливаемый неподвижными серыми небесами, этот царственный блеск строений, этот вечный снег на земле. Здесь воспроизведены увеличенные до огромных размеров чудеса классической архитектуры. Я присутствую на художественных выставках, занимающих помещения в двадцать раз больше, чем Хэмптон-Корт. Какая живопись! Норвежский Навуходоносор приказал соорудить министерские лестницы; подчиненные, которых мог я увидеть, были надменной любого брамина; и дрожь во мне вызывали сторожа колоссов и служащие возведенных строений. Расположение зданий, замыкающих скверы, дворы и ряды закрытых террас, устранило из этих мест кучеров. Парки представляют собой образцы первобытной природы, обработанной с великолепным искусством. Верхний квартал обладает непостижимыми видами: морской залив, где нет кораблей, расстилает свою пелену -- цвета синего града -- между набережных, обремененных канделябрами невероятных размеров. Короткий мост ведет к потайному ходу, сразу же под собором. Этот собор Сент-Шапель представляет собой живописную арматуру из стали с диаметром около пятнадцати тысяч футов.

С некоторых точек пешеходных мостиков, площадок и лестниц, опоясывающих крытые рынки, я, как мне казалось, был способен судить, насколько глубок этот город. Вот чудо, которое не мог я постичь: каковы же уровни прочих кварталов над акрополем или под ним? Для чужестранца из нашей эпохи это невозможно понять. Торговый квартал состоит из площади и расходящихся улиц в одинаковом стиле, где расположились галереи под арками. Лавок не видно, но снег на мостовых раздавлен. Набобы, которые так же здесь редки, как в Лондоне прохожие в воскресное утро, направляются к брильянтовому дилижансу. Красный бархат тахты и выбор заполярных напитков, цена которых колеблется от восьмисот до восьми тысяч рупий. Решив отыскать какой-нибудь театр в квартале, я для себя открываю, что лавки и магазины содержат достаточно мрачные драмы. Думаю, что полиция есть. Но законы настолько здесь странны, что я отказываюсь представить себе местных авантюристов.

Предместье, такое же элегантно, как одна из красивейших улиц Парижа, находится под покровительством света и воздуха. Демократический элемент насчитывает несколько сот душ. Дома не тянутся один за другим; предместье странно тянется в поле, теряется в "Графстве", наполняющем вечный запад лесами и удивительными плантациями, где под воссозданным

светом дикие дворяне гоняются за своей родословной.

Бдения

I

Это -- озаренный отдых, ни лихорадка, ни слабость, на постели или на поле.

Это -- друг, ни пылкий, ни обессиленный. Друг.

Это -- любимая, ни страдающая, ни причиняющая страданий. Любимая.

Мир и воздух, которых не ищут. Жизнь.

Так ли это все было?

И сновидение становится свежим.

II

Возврат освещения к сводам. Отделяясь от двух оконечностей зала, от их декораций, соединяются гармоничные срезы. Стена перед бодрствующим -- это психологический ряд разбиваемых фризов, атмосферных полос, геологических срывов.-Напряженные, быстрые сны скульптурных чувствительных групп с существами всех нравов, среди всевозможных подобиий.

III

Ковры и лампы ночного бденья шумят, словно волны вдоль корпуса судна и вокруг его палуб.

Море ночного бденья -- словно груди Амелии.

Гобелены до половины пространства, заросли кружев, изумрудный оттенок, куда бросаются горлицы бденья.

Плита перед черным камином, реальное солнце песчаного пляжа: о, колодец всех магий! На этот раз -- единственная картина рассвета.

Мистическое

На склоне откоса ангелы машут своим шерстяным одеяньем среди изумрудных и металлических пастбищ.

Огненные поляны подпрыгивают до вершины холма. Слева -чернозем истоптан всеми убийствами и всеми сраженьями, и бедственный грохот катится по его кривизне. Позади же правого склона -- линия востока, линия движенья.

И в то время, как полоса наверху картины образована из вращающегося и подскакивающего гула раковин моря и ночей человека,

Цветущая кротость неба и звезд и всего остального опускается, словно корзина, напротив откоса,-- напротив лица моего,-- и образует благоуханную голубую бездну.

Заря

Летнюю зарю заключил я в объятья.

На челе дворцов ничто еще не шелохнулось. Вода была мертвой. Густые тени не покидали лесную дорогу. Я шел, пробуждая от сна живые и теплые вздохи; и драгоценные камни смотрели, и крылья бесшумно взлетали.

Первое, что приключилось -- на тропинке, уже наполненной свежим и бледным мерцаньем,-- это то, что какой-то цветок мне назвал свое имя.

Я улыбнулся белокурому водопаду, который за пихтами растрепал свои космы: на его серебристой вершине узнал я богиню.

Тогда один за другим я начал снимать покровы. На просеке, размахивая руками. В долине, где я возвестил о ней петуху. В городе она бежала среди колоколен и куполов, и я, словно нищий на мраморных набережных, гнал за нею.

На верхней дороге, близ лавровой рощи, я ее окутал покрывами и на миг почувствовал ее огромное тело. Заря и ребенок упали к подножию рощи.

При пробужденье был полдень.

Цветы

Со своей золотой ступеньки,-- среди шелковистых шнурков, среди серых газовых сканей, зеленого бархата и хрустальных дисков, темнеющих, словно бронза на солнце,-- я вижу, как наперстянка раскрылась на филигранном ковре серебра, зрачков и волос.

Крупницы желтого золота, рассыпанные по агату, колонны из красного дерева, поддерживающие изумрудный купол, атласные букеты белого цвета и тонкие прутья рубина окружают водяную розу.

Как некий бог с огромными голубыми глазами и со снежными очертаньями тела, море и небо влекут на мраморные террасы толпу молодых и сильных цветов.

Вульгарный ноктюрн

Одно дуновение пробивает брешь в перегородках, нарушает круговращенье изъеденных крыш, уничтожает огни у очагов, погружает в темноту оконные рамы.

У виноградника, поставив ногу на желоб, я забираюсь в карету, чей возраст легко узнается по выпуклым стеклам, по изогнутым дверцам, по искривленным виденьям. Катафалк моих сновидений, пастушеский домик моего простодушия, карета кружит по стертой дороге, и на изъяне стекла наверху вращаются бледные лунные лица, груди и листья.

Зеленое и темно-синее наводняет картину. Остановка там, где пятном растекается гравий.

Не собираются ль здесь вызвать свистом грозу, и Содом, и Солим, и диких зверей, и движение армий?

(Ямщики и животные из сновиденья не подхватят ли свист, чтобы до самых глаз меня погрузить в шелковистый родник?)

Исхлестанных плеском воды и напитков, не хотят ли заставить нас мчаться по лаю бульдогов?

Одно дуновение уничтожает огни очагов.

Морской пейзаж

Колесницы из меди и серебра, Корабли из серебра и стали Пену колотят, Вырывают корни кустов. Потоки песчаных равнин И глубокие колеи отлива Бегут кругообразно к востоку -Туда, где колонны леса, Туда, где стволы дамбы, Чей угол исхлестан вихрями света.

Зимнее празднество

Звенит водопад посреди избышек комической оперы. Снопы ракет, в садах и аллеях рядом с меандром, продлевают зеленые и красные краски заката. Нимфы Горация с прическами Первой империи, Сибирские Хороводы, китайки Буше.

Тревога

Возможно ли, чтобы Она мне велела простить постоянную гибель амбиций,-- чтобы легкий конец вознаградил за годы нужды,-чтобы день успеха усыпил этот стыд за роковую неловкость?

(О пальмы! Сверканье брильянта! -- О сила! Любовь! -- Выше славы любой, выше радости всякой! Как угодно, повсюду -демон, бог -- это Юность моя!)

Чтобы случайности научной феерии и движения социального братства были так же любимы, как возврат к откровенности первой?

Но в женском обличье Вампир, который превратил нас в милых людей, повелевает, чтобы мы забавлялись тем, что он нам оставил, или в противном случае сами бы стали забавней.

Мчаться к ранам -- по морю и воздуху, вызывающему утомленье; к мукам -- по молчанью убийственных вод и воздушных пространств; к пыткам,-- чей смех раздастся в чудовищно бурном молчанье.

Метрополитен

От ущелья цвета индиго к морям Оссиана, по розовому и оранжевому песку, омытому опьяняющим небом, поднимаются переплетенья хрустальных бульваров, где живут молодые

бедные семьи, покупающие свое пропитание у зеленщиков. Никакого богатства.-- Город!

По асфальтовой пустыне бегут в беспорядке с туманами вместе, чьи мерзкие клочья растянулись по небу, которого гнется, пятится, клонится книзу и состоит из черного, мрачного дыма, какого не выдумал бы и Океан, одевшийся в траур,-- бегут в беспорядке каски, колеса, барки, крупы коней.-- Битва!

Голову подними: деревянный изогнутый мост; последние огороды самаритян; раскрашенные маски под фонарем, исхлестанным холодом ночи; глупенькая ундина в шелестящем платье возле реки; светящиеся черепа на гороховом фоне; и прочие фантазмагии.-- Пригород!

Дороги, окаймленные решетками и стенами, за которыми теснятся их рощи; ужасные цветы, что могут быть названы сестрами и сердцами; обреченный на томность Дамаск; влעדенья феерических аристократов -- зарейнских, японских, гуаранийских -- владенья, еще пригородные для музыки древних; -- и есть трактиры, которые никогда уже больше не будут открыты; -- и есть принцессы и, если не очень ты изнурен, изученье светил.-- Небо!

Утро, когда ты с Нею боролся, и было вокруг сверканье снега, зеленые губы, и лед, и полотнища черных знамен, и голубые лучи, и пурпурные ароматы полярного солнца.-- Твоя сила!

От варваров

Значительно позже дней и времен, и стран, и живых созданий,

Флаг цвета кровавого мяса на шелке морей и арктические цветы (они не существуют в природе).

Отставка старых фанфар героизма,-- которые еще атакуют нам сердце и разум,-- вдали от древних убийц.

Флаг цвета кровавого мяса на шелке морей и арктические цветы (они не существуют в природе).

О Нежность!

Раскаленные угли, хлынувшие потоками снежного шквала, огненные струи алмазного ветра, исторгнутые сердцем земным, которое вечно для нас превращается в уголь.-- О мир!

(Вдали от старых убежищ и старых огней, чье присутствие чувствуют, слышат),

Раскаленные угли и пена. Музыка, перемещение пучин, удары льдинок о звезды.

О Нежность, музыка, мир! А там -- плывущие формы, волосы, пот и глаза. И кипящие белые слезы,-- о Нежность! -- и женский голос, проникший в глубины вулканов и арктических гротов.

Флаг...

Мыс

Золотая заря и трепетный вечер находят бриг наш в открытом море, напротив виллы и ее пристроек, образующих мыс, такой же обширный, как Пелопоннес и Эпир, или как главный остров Японии, или Аравия. Святилища, озаренные возвращеньем процессий; огромные оборонительные сооружения современного побережья; дюны, иллюстрированные вакханалиями и цветами; большие каналы древнего Карфагена и набережные подозрительной Венеции; вялые извержения Этны и ущелья цветов и ледниковых потоков; мостки для прачек, окруженные тополями Германии; склоны необычайных парков и склоненные вершины японских Деревьев; и круглые фасады всевозможных "Гранд" и "Руаялей" Скарборо или Бруклина; и рейлвей опоясывают и разрезают диспозиции в этом Отеле, взятые из истории самых элегантных и самых колоссальных сооружений Италии, Америки, Азии, и окна и террасы которых, в настоящее время полные света, напитков и свежего ветра, открыты для умов путешественников и для знати и позволяют в дневные часы всем тарантеллам всех берегов -- и даже ритурунелам замечательных долин искусства -- чудесно украсить фасады Мыса-Дворца.

Сцены

Древняя Комедия продолжает свои сочетания, разделяет свои Идиллии.

Бульвары театральных подмоетков.

Деревянный пирс от одного до другого конца каменистого поля, где под голыми ветвями деревьев гуляет варварская толпа.

В коридорах черного газа, вслед за теми, кто пришел на прогулку с листьями и фонарями.

Птицы мистерий обрушиваются на плавучий каменный мост, приведенный в движение архипелагом, покрытым лодками зрителей.

Лирические сцены в сопровождении барабана и флейты вьются в убежищах, оборудованных под потолками, вокруг салонов современных клубов или в залах древнего Востока.

Феерия движется на вершине амфитеатра, увенчанного молодою порослью леса,-- или мечется и модулирует для беотийцев, в тени высоких деревьев, на срезе культур.

Комическая опера разделяется на нашей сцене, у грани пересечения перегородок, воздвигнутых на святейшей галерее.

Исторический вечер

Однажды вечером, перед наивным туристом, удалившемся от наших экономических мерзостей, рука маэстро заставляет звучать клавишины полей; кто-то в карты играет в глубинах пруда, этого зеркала фавориток и королев; во время заката появляются покрывала монахинь, и святые, и дети гармонии, и хроматизмы легенд.

Он вздрагивает при звуках охоты, от топота дикой орды. Комедия капает на травяные подмоетки. И на этом бессмысленном фоне -- тяготы бедных и слабых!

Перед его поработанным взором Германия громоздится до самой луны; татарские пустыни озаряются светом; древние восстания роятся в глубинах Небесной империи; по лестницам и скалистым сиденьям бледный и плоский мирок, Запад и Африка, начинает свое восхождение. Затем балет известных морей и ночей, бесценная химия, звуки невероятных мелодий.

Все та же буржуазная магия, где бы ни вылезли мы из почтовой кареты! Самый немудрящий лекарь чувствует, что больше невозможно погрузиться в эту индивидуальную атмосферу, в туман физических угрызений, при одном названье которых уже возникает печаль.

Нет! Время парильни, исчезновенья морей, подземных пожаров, унесенной планеты и последовательных истреблений, чью достоверность столь беззлобно определяли Норны и Библия,-это время окажется под наблюденьем серьезных людей. Однако легенда будет здесь ни при чем!

Движение

Извилистое движение на берегу речных водопадов, Бездна позади корабля, Крутизна мгновенного ската, Огромность теченья Ведут к неслыханным знаниям И к химии новой Путешественников, которых окружают смерчи долины И стрима.

Они -- завоеватели мира В погоне за химически-личным богатством; Комфорт и спорт путешествуют с ними; Они везут с собой обучение Животных, классов и рас; на корабле этом - Головокруженье и отдых Под потоками света В страшные вечера занятий.

Болтовня среди крови, огня, приборов, цветов, драгоценных камней; Счета, которыми машут на этой убегающей палубе; Можно увидеть -- катящийся, словно плотина за моторною гидродорогой, Чудовищный и без конца озаряемый -- склад их учебный; В гармоничный экстаз их загнали, В героизм открытий, Среди поразительных атмосферных аварий Юная пара уединилась в этом ковчеге, -- Должно быть, простительна древняя дикость? -И поет, и на месте стоит.

Bottom

Действительность была чрезмерно тернистой для моей широкой натуры,-- и тем не менее очутился я у Мадам, серо-синевой птицей взлетая к лепным украшениям на потолке, волоча свои крылья по вечернему мраку.

У подножия балдахина, осенявшего ее драгоценности и физические шедевры, и был медведь с темно-синими деснами и с шерстью, поседевшей от грусти, а в глазах -- хрусталь и серебро инкрустаций.

Все стало мраком, превратилось в жаркий аквариум. Утром -воинственным утром июня -- я стал ослом и помчался в поля, где трубил о своих обидах, потрясал своим недовольством, покуда сабинянки предместий не бросились мне на загривок.

Н

Чудовищность во всех ее проявлениях врывается в страшные жесты Гортензии. Ее одиночество -- эротический механизм, ее усталость -- динамичность любви. Во все времена она находилась под наблюдением детства, эта пылающая гигиена рас. Ее двери распахнуты перед бедою. Там мораль современных существ воплощена в ее действии или в страстях. О ужасное содрогание неискушенной любви на кроваво земле, под прозрачностью водорода! Ищите Гортензию.

Молитва

Моей сестре Луизе Ванаан из Ворингема.-- К Северному морю обращен ее синий чепец.-- За потерпевших кораблекрушение.

Моей сестре Леони Обуа из Ашби. Бау -- летняя трава, жужжащая и зловонная.-- За больных лихорадкой матерей и детей.

Лулу, дьяволице, не утратившей вкуса к молебням в эпоху Подруг и своего незавершенного образования. За мужчин.-- К Мадам ***.

Отроку, которым я был. Святому старцу в миссии или в скиту.

Разуму бедняков. И очень высокому клиру.

Также всякому культу в таких местах достопамятных культов и среди таких событий, что приходится им подчиниться, согласно велению момента или согласно нашим серьезным порокам.

Сегодня вечером Цирцето высокого льда, жирной как рыба, румяной как десять месяцев красных ночей, (ее сердце -амбра и спанк). За мою единственную молитву, молчаливую словно эти ночные края и предшествующую взрываю отваги, еще более грозным, чем этот полярный хаос.

Любою ценой и со всеми напевами, даже в метафизических странствиях.-- Но не теперь.

Демократия

"Знамя украшает мерзкий пейзаж, а наше наречье заглушает бой барабанов.

Самую циничную проституцию мы будем вскармливать в центрах провинций. Мы истребим логичные бунты.

Вперед, к проперченным, вымокшим странам! -- К услугам самых чудовищных эксплуатаций, индустриальных или военных.

До свиданья, не имеет значения где. Новобранцы по доброй воле, к свирепой философии мы приобщимся; для науки -невежды, для комфорта -- готовы на все, для грядущего -смерть. Вот истинный путь! Вперед, шагом марш!"

Fairy

Для Елены вступали в заговор орнаментальные соки под девственной сенью и бесстрастные полосы света в астральном молчанье. Бухты мертвой любви и обессиленных ароматов поручали зной лета онемевшим птицам, поручали надлежащую томность драгоценной траурной барке.

Потом наступало мгновение для песни жен лесорубов под рокот потока за руинами леса,

для колокольчиков стада под отклик долины и крики степей.

Для детства Елены содрогались лесные чащи и тени, и грудь бедняков, и легенды небес.

И танец ее и глаза по-прежнему выше драгоценного блеска, холодных влияний, удовольствия от декораций и неповторимого часа.

Война

В детстве мою оптику обострило созерцание небосвода, моему лицу все людские характеры передали свои оттенки. Феномены пришли в движение.-- Теперь постоянное преломление мгновений и математическая бесконечность гонят меня по этому миру, где я обласкан гражданским успехом, почитаем причудливым детством и большими страстями.-- По праву или по необходимости, по непредвиденной логике думаю я о войне.

Это так же просто, как музыкальная фраза.

Гений

Он -- это нежность и сегодняшний день, потому что он двери открыл для пенистых зим и для летнего шума и чистыми сделал еду и напитки, и потому что в нем прелесть бегущих мимо пейзажей и бесконечная радость привалов. Он -- это нежность и завтрашний день, и мощь, и любовь, которую мы, по колено в ярости и огорченьях, видим вдали, в грозовых небесах, среди флагов экстаза.

Он -- это любовь, и мера, вновь созданная и совершенная, и чудесный, непредугаданный разум, и вечность: машина, которой присущи фатальные свойства, внушавшие ужас. О радость здоровья, порыв наших сил, эгоистичная нежность и страсть, которую все мы питаем к нему, к тому, кто нас любит всю жизнь, бесконечно...

И мы его призываем, и странствует он по земле...И когда Поклоненье уходит, звучит его обещанье: "Прочь суеверья, и ветхое тело, и семья, и века! Рушится эта эпоха!"

Он не исчезнет, он не сойдет к нам с небес, не принесет искупительной жертвы за ярость женщин, за веселье мужчин и за весь этот грех: потому что в самом деле он есть и в самом деле любим.

Сколько путей у него, и обликов, и животворных дыханий! О устрашающая быстрота, с которой идут к совершенству деянья и формы!

О плодovitость рассудка и огромность Вселенной!

Тело его! Освобождение, о котором мечтали, разгром благодати, столкнувшейся с новым насильем!

Явление его! Перед ним с колен поднимаются древние муки.

Свет его! Исчезновение потока глухих страданий в музыке более мощной.

Шаг его! Передвижение огромное древних нашествий.

Он и мы! О гордость, которая неизмеримо добрее утраченной милости и милосердия.

О этот мир! И светлая песня новых невзгод.

Он всех нас знал и всех нас любил. Этой зимнею ночью запомним: от мыса до мыса, от бурного полюса до старого замка, от шумной толпы до морских берегов, от взгляда к взгляду, в усталости, в силе, когда мы зовем, когда отвергаем, и под водою прилива, и в снежных пустынях -- идти нам за взором его, и дыханьем, и телом, и светом.

Юность

I. Воскресенье

Расчеты в сторону -- и тогда неизбежно опускается небо; и визит воспоминаний и сеансы ритмов заполняют всю комнату, голову, разум.

-- Лошадь, пронзенная угольною чумою, бежит по загородному газону, вдоль лесопосадок и огородных культур. Где-то в мире несчастная женщина драмы вздыхает после невероятных разлук. Десперадос томятся после ранений, грозы, опьянения. Дети, гуляя вдоль рек, подавляют

крики проклятья.

Вернемся к занятиям, под шум пожирающего труда, который скопляется и поднимается в массах.

II. Сонет

Человек заурядного телосложения, плоть не была ли плодом, висющим в саду,-- о детские дни! -- а тело -- сокровищем, которое надо растратить? Любить -- это опасность или сила Психеи? Земля имела плодородные склоны, где были артисты и принцы, а происхождение и раса нас толкали к преступлениям и скорби: мир -- ваше богатство и ваша опасность. Но теперь, когда этот тягостный труд завершен, ты и расчеты твои, ты и твое нетерпенье -- всего лишь ваш танец, ваш голос, не закрепленные, не напряженные, хотя и с двойственным смыслом успеха и вымысла, в человеческом братстве и скромности, во Вселенной, не имеющей образов; -- сила и право отражают голос и танец, оцененные только теперь.

III. Двадцать лет

Изгнанные голоса назиданий... Горестно утомившаяся физическая наивность... Адажио. О, бесконечный отроческий эгоизм и усидчивость оптимизма: как наполнен был мир в то лето цветами! Умирующие напевы и формы... Хор, чтобы утешить чистоту и бессилье... Хор стеклянных ночных мелодий... В самом деле, нервы скоро сдадут.

IV.

Ты все еще подвержен искушению святого Антония. Куцею рвения скачки, судороги мальчишеской гордости, страх и уныние. Но ты снова примешься за эту работу: все гармонические и архитектурные возможности будут кружить вокруг твоего стола. Совершенные и непредвиденные создания принесут себя в жертву эксперименту. В твои предместья мечтательно хлынет любопытство древней толпы и праздного великолепия. Твоя память и чувства будут только питать созидательный импульс. Ну, а мир, что станет с ним, когда ты уйдешь? Во всяком случае, ничего похожего на теперешний вид.

Распродажа

Продается то, чего не продавали никогда иудеи, не отведало ни дворянство, ни преступление, не знала отверженная любовь и адская порядочность масс, не могли распознать ни наука, ни время.

Воссозданные Голоса; пробуждение хоральных и оркестровых энергий и мгновенное их применение; единственная возможность освободить наши чувства!

Продаются тела -- бесценные, вне какой-либо расы, происхождения, мира и пола! Богатства, которые брызжут при каждом движении! Бесконтрольная распродажа брильянтов!

Продается анархия для народных масс; неистребимое удовольствие для лучших ценителей; ужасная смерть для верующих и влюбленных!

Продаются жилища и переселения, волшебные зрелища, спорт, идеальный комфорт, и шум, и движение, и грядущее, которое они создают!

Продаются точные цифры и неслыханные взлеты гармоний. Находки и сроки ошеломительны: незамедлительное вручение!

Безумный и бесконечный порыв к незримым великолепиям, к непостижимым для чувств наслаждениям,-- и его с ума сводящие тайны для любого порока,-- и его устрашающее веселье и смех для толпы.

Продаются тела, голоса, неоспоримая роскошь -- то, чего уж вовек продавать не будут. Продавцы далеки от конца распродажи! Путешественникам не надо отказываться от покупки!

Одно лето в аду

I

Когда-то, насколько я помню, моя жизнь была пиршеством, где все сердца раскрывались и

струились всевозможные вина.

Однажды вечером я посадил Красоту к себе на колени.-- И нашел ее горькой.-- И я ей нанес оскорбление.

Я ополчился на Справедливость.

Ударился в бегство. О колдуньи, о ненависть, о невзгоды! Вам я доверил свои богатства!

Мне удалось изгнать из своего сознания всякую человеческую надежду. Радуюсь, что можно ее задушить, я глухо подпрыгивал, подобно дикому зверю.

Я призывал палачей, чтобы, погибая, кусать приклады их ружей. Все бедствия я призывал, чтобы задохнуться в песках и в крови. Несчастье стало моим божеством. Я валялся в грязи. Обсыхал на ветру преступления. Шутки шутил с безумьем.

И весна принесла мне чудовищный смех идиота.

Однако совсем недавно, обнаружив, что я нахожусь на грани последнего хрипа, я ключ решил отыскать от старого пиршества, где, может быть, снова обрету аппетит!

Этот ключ -- милосердие. Такое решение доказывает, что я находился в бреду!

"Гиеной останешься ты, и т.д. ..." -- крикнул демон, который увенчал мою голову маками. "К смерти иди с твоим вождельем, и твоим эгоизмом, и со всеми семью грехами".

О, не слишком ли много! Но, дорогой Сатана, заклинаю вас: поменьше раздраженья в зрачках! И в ожидании каких-либо запоздалых маленьких мерзостей вам, который любит в писателе отсутствие дара описывать и наставлять, вам подношу я несколько гнусных листков, вырванных из блокнота того, кто был проклят.

II. Дурная кровь

От моих галльских предков я унаследовал светлые голубые глаза, ограниченный мозг и отсутствие ловкости в драке. Моя одежда такая же варварская, как и у них. Но я не мажу свои волосы маслом.

Галлы сдирали шкуры с животных, выжигали траву и делали это не искуснее всех, живших в те времена.

От них у меня: идолопоклонство и любовь к святотатству -- о, все пороки, гнев, сладострастье,-- великолепно оно, сладострастье! -- и особенно лень и лживость.

Любое ремесло внушает мне отвращение. Крестьяне, хозяева и работники -- мерзость. Рука с пером не лучше руки на плуге. Какая рукастая эпоха! Никогда не набью себе руку. А потом быть ручным -- это может завести далеко. Меня удручает благородство нищенства. Преступники мне отвратительны, словно кастраты: самому мне присуща цельность, но это мне безразлично.

Однако кто создал мой язык настолько лукавым, что до сих пор он ухитряется охранять мою лень? Даже не пользуясь телом, чтобы существовать и более праздный, чем жаба, я жил везде и повсюду. Ни одного семейства в Европе, которого я не знал бы.-- Любую семью я понимаю так, как свою: всем они обязаны декларации Прав Человека.-- Мне известен каждый юнец из хорошей семьи.

X X X

Если бы я имел предшественников в какой-либо точке истории Франции!

Нет никого!

Мне совершенно ясно, что я всегда был низшею расой. Я не понимаю, что значит восстание. Моя раса всегда поднималась лишь для того, чтобы грабить: словно волки вокруг не ими убитого зверя.

Я вспоминаю историю Франции, этой старшей дочери Церкви. Вилланом я отправился в святую землю; в памяти у меня -дороги на швабских равнинах, византийский ландшафт, укрепление Солима; культ Девы Марии, умиление перед распятым пробуждается в моем

сознание среди тысячи нечестивых феерических празднеств.-- Прокаженный, я сижу в крапиве, среди осколков горшков, около изъеденной солнцем стены. Позднее, рейтаром, я разбивал биваки в сумраке немецких ночей.

А! Вот еще: я пляшу со старухами и детьми, справляя шабаш на алой поляне.

Мои воспоминания не простираются дальше этой земли и христианства. Вижу себя без конца в минувших веках. Но всегда одинок, всегда без семьи. На каком языке я тогда говорил? Никогда не вижу себя ни в собраниях Христа, ни в собраниях сеньоров, представителей Христа на земле.

Кем я был в предыдущем веке? Нахожу себя снова только в сегодняшнем дне. Нет больше бродяг, нет больше тлеющих войн. Все захлестнула низшая раса: народ и, как говорится, рассудок; нацию и науку.

О наука! Все захвачено ею. Для тела и для души -- медицина и философия,-- снадобья добрых женщин и народные песни в обработанном виде. И увеселенья властителей, и забавы, которые они запрещали! География, космография, механика, химия!

Наука, новая аристократия! Прогресс. Мир шагает вперед! Почему бы ему не возвращаться?

Это -- видение чисел. Мы приобщаемся к Духу. Сбудется то, что я говорю как оракул. Я понимаю, но так как не могу объяснить без помощи языческих слов, то предпочитаю умолкнуть.

X X X

Возвращенье языческой крови. Дух близок; почему же Христос не приходит ко мне на помощь, даровав душе моей свободу и благородство? Увы! Евангелъе кончилось! Евангелъе, о Евангелъе!

Предвкушая лакомство, я дожидаюсь бога. От начала времен я -- низшая раса.

Вот я на армориканском взморье. Пусть вечером города зажигают огни. Мой день завершен; я покидаю Европу. Морской воздух опалит мои легкие; гибельный климат покроет меня загаром. Плавать, топтать траву, охотиться и курить (это прежде всего), пить напитки, крепкие, словно кипящий металл, как это делали вокруг костров дорогие предки.

Я вернусь с железными мускулами, с темною кожей и яростными глазами: глядя на эту маску, меня сочтут за представителя сильной расы. У меня будет золото: я стану праздным и грубым. Женщины заботятся о свирепых калеках, возвратившихся из тропических стран. Я буду замешан в политические аферы. Буду спасен.

Теперь я проклят, родина внушает мне отвращенье. Лучше всего пьяный сон, на прибрежном песке.

X X X

Ты никуда не отправишься.-- Опять броди по здешним дорогам, обремененный своим пороком, пустившим корни страдания рядом с тобой, в том возрасте, когда просыпается разум,-- он поднимается в небо, бьет меня, опрокидывает, тащит меня за собой.

Последняя чистота и последняя робость. Решено. Не нести в этот мир мое предательство и мое отвращенье.

В путь! Движенье, тяжелая ноша, пустыня, гнев и тоска.

Кому служить? Какому зверю молиться? На какие иконы здесь ополчились? Чьи сердца разбивать я буду? Какую ложь поддерживать должен? По чьей крови мне придется ступать?

Подальше от правосудия.-- Жизнь сурова, одичание просто. Крышку гроба поднять иссохшей рукой, сидеть, задыхаться. Ни старости, ни опасностей: ужас -- это не по-французски.

-- О! Я так одинок, что готов любому священному образу предложить свой порыв к совершенству.

О, моя отрешенность, мое чудесное милосердие -- на этом свете, однако.

De profundis Domine, как же я глуп!

X X X

Еще ребенком я восхищался несговорчивым каторжником, которого всегда ожидали оковы; меня тянуло к постоянным дворам и трактирам, где он побывал: для меня они стали священны. Его глазами я смотрел на небо и на расцветающую в полях работу; в городах я искал следы его рока. У него было больше силы, чем у святого, и больше здравого смысла, чем у странствующих по белому свету, -- и он, он один, был свидетелем славы своей и ума.

На дорогах, в зимние ночи, без жилья, без хлеба и теплой одежды, я слышал голос, проникавший в мое замерзшее сердце: "Сила или слабость? Для тебя -- это сила! Ты не знаешь, куда ты идешь, ни почему ты идешь. Повсюду броди, всему отвечай. Тебя не убьют, потому что труп убить невозможно". Утром у меня был такой отрешенный взгляд и такое мертвенное лицо, что те, кого я встречал, возможно, меня не могли увидеть.

Грязь в городах неожиданно начинала казаться мне красной и черной, словно зеркало, когда в соседней комнате качается лампа; словно сокровище в темном лесу. "В добрый час!" -- кричал я и видел море огней и дыма на небе; а справа и слева все богатства пылали, как миллиарды громахающих гроз.

Но оргия и женская дружба были для меня под запретом. Ни одного попутчика даже. Я вдруг увидел себя перед охваченной гневом толпой, увидел себя перед взводом солдат, что должен меня расстрелять, и я плакал от горя, которое понять они не могли, и я прощал им -- как Жанна д'Арк. "Священники, учителя, властелины, вы ошибаетесь, предавая меня правосудию. Никогда я не был связан с этим народом; никогда я не был христианином; я из тех, кто поет перед казнью; я не понимаю законов; не имею морали, потому что я зверь, и значит, вы совершили ошибку".

Да! Мои глаза закрыты для вашего света. Я -- зверь, я -негр. Но я могу быть спасен. А вы -- поддельные негры, вы -маньяки, садисты, скупцы. Торговец, ты -- негр; чиновник, ты -- негр; военачальник, ты -- негр; император, старая злая чесотка, ты -- негр, ты выпил ликер, изготовленный на фабрике Сатаны.-- Этот народ вдохновляется лихорадкой и раком. Калеки и старики настолько чтимы, что их остается только сварить. Самое лучшее -- это покинуть скорей континент, где бродит безумие, добывая заложников для этих злодеев. Я вступаю в подлинное царство потомков Хама.

Знаю ли я природу? Знаю ли самого себя? -- Исчезли слова. Мертвецов я хороню у себя в желудке. Крик, барабаны -- и в пляс, в пляс, в пляс! Мне неизвестно, когда, после прихода белых, я рухну в небытие.

Голод, жажда, крики -- и в пляс, в пляс, в пляс!

X X X

Белые высаживаются на берег. Пушечный выстрел! Надо покориться обряду крещения, одеваться, работать.

Моему сердцу нанесен смертельный удар. О, этого я не предвидел!

Я никогда не творил зла. Дни мои будут легки, раскаянье меня не коснется. Я никогда не узнаю страданий души, почти неживой для добра, души, в которой поднимается свет, суровый, как похоронные свечи. Участь сынков из хорошей семьи -- преждевременный гроб, сверкающий блестками и слезами. Несомненно, развратничать -- глупо, предаваться пороку -- глупо; гниль надо отбросить подальше. Но часам на башне никогда не удастся отбивать только время чистых страданий. Словно ребенок, буду ли я вознесен на небо, чтобы играть там в раю, где забыты невзгоды?

Скорее! Есть ли другие жизни? -- Среди богатства сон невозможен. Потому что всегда богатство было публично. Одна лишь божественная любовь дарует ключи от познания. Я вижу,

что природа добра. Прощайте, химеры, идеалы, ошибки.

Благоразумное пение ангелов поднимается от корабля спасения: это божественная любовь.-
- Две любви! Я могу умереть от земной любви, умереть от преданности. Я покинул сердца, чья боль возрастет из-за моего ухода! Вы избрали меня среди потерпевших кораблекрушение; но те, кто остался, разве они не мои друзья?

Спасите их!

Во мне рождается разум. Мир добр. Я благословлю жизнь. Буду любить своих братьев. Это не просто детские обещания или надежда ускользнуть от старости и смерти. Бог -- моя сила, и я возношу хвалу богу.

Х Х Х

Тоска не будет больше моей любовью. Ярость, распутство, безумие, я знаю все их порывы и знаю их поражения,-- это бремя сбросил я с плеч. Оценим спокойно, как далеко простирается моя невинность.

Больше я не способен просить моральной поддержки у палочного удара. Не считаю, что с тестем своим, Иисусом Христом, отплываю на свадебный пир.

Я не узник своего рассудка. Я сказал: бог. Даже в спасенье нужна мне свобода: но как добиться ее? Фривольные вкусы меня покинули. Нет больше нужды ни в божественной любви, ни в преданности. Я не жалею о веке чувствительных душ. Все имеет свой смысл: и презрение и милосердие, поэтому я оставляю за собой место на вершине ангельской лестницы здравого смысла.

Что же касается прочного счастья, домашнего или нет... нет, не могу. Слишком я легкомыслен и слаб. Жизнь расцветает в труде -- это старая истина; однако жизнь, принадлежащая мне, не очень весома, она взлетает и кружит вдалеке от активного действия, столь дорогого современному миру.

Я превращаюсь в старую деву: нет у меня смелости полюбить смерть!

Если бы небесный, воздушный покой и молитву даровал мне господь -- как древним святым! -- Святые! Сильные! Анахореты! Артисты, каких уж больше не встретишь!

Бесконечный фарс! Меня заставляет плакать моя невинность. Жизнь -- это фарс, который играют все.

Х Х Х

Довольно! Вот наказанье.-- Вперед!

Ах, как пылают легкие, как грохочет в висках! На солнце -ночь у меня в глазах! Сердце...
Онемевшие члены...

Куда все спешат? В сраженье? Я слаб. Меня обгоняют. Орудья труда, оружие... о время!

Огонь! Огонь на меня! Или я сдамся.-- Трусы! -- Погибаю! Бросаюсь под копыта коней!

Все!

-- И к этому я привыкну.

Это будет французской жизнью, это будет дорогою честью.

Ночь в аду

Я проглотил изрядную порцию яда.-- Трижды благословенный совет, который я получил! -- Неистовство этой страны сводит мне мускулы, делает бесформенным тело, опрокидывает меня на землю. Я умираю от жажды, задыхаюсь, не в силах кричать. Это -- ад, это вечная мука! Взгляните: поднимается пламя! Я пылаю, как надо. Продолжай, демон!

Мне привиделось обращенье к добру и счастью: спасенье. Могу ли описать я то, что увидел? Воздух ада не терпит гимнов. Были миллионы прелестных созданий, сладостное духовное единство, сила, и мир, и благородство амбиций, всего не расскажешь.

Благородство амбиций!

И это все-таки -- жизнь. Если бы только проклятие стало вечным! Проклят человек, который хочет себя искалечить, не так ли? Я думаю, что оказался в аду, значит, я в самом деле в аду. Все получилось по катехезису. Я раб своего крещений. Родители, вы уготовили мне несчастье, и себе его уготовили тоже.. О невинный бедняк! Ад не грозит язычникам.-- И все-таки это -- жизнь. Позднее утечи проклятия станут глубже. Одно преступление -- быстро! -- и пусть я рухну в небытие, именем человеческого закона.

Но замолчи, замолчи!.. Это стыд и укор: Сатана, который мне говорит, что огонь омерзителен и что гнев мой чудовищно глуп. Довольно с меня подсказанных заблуждений, поддельных ароматов, всяческих магий и мальчишеской музыки.-- И подумать только, что я обладаю истиной, что вижу справедливость: мое суждение здраво и твердо, я готов достичь совершенства... Гордость.-- Кожа на моей голове иссыхает. Пощады! Господи, мне страшно. Меня мучит жажда, ужасная жажда. О, детство, травы, дожди, озеро на каменистом ложе, свет луны, когда на колокольне било двенадцать... в полночь дьявол забирается на колокольню... Мария! Пресвятая Дева!..-- Ужасна моя глупость.

Там, вдали, разве не находятся души, желающие мне добра? Придите! Подушка у меня на лице, и они не слышат мой голос, они -- только фантомы. А потом, никто не думает о своем ближнем. Не приближайтесь ко мне. От меня исходит запах паленого!

Бесконечны образы галлюцинаций. Вот чем я всегда обладал: больше веры в историю, забвение принципов. Но об этом я умолчу -- чтобы не стали завидовать поэты и визионеры. Я в тысячу раз богаче, будем же скупы, как море.

Ах, вот что! Часы жизни остановились. Я -- вне этого мира.-Теология вполне серьезна: ад, несомненно, внизу, небеса наверху.-- Экстазы, кошмары, сон в гнездах из пламени.

Сколько козней в открытом поле! Сатана, Фердинанд, мчится вместе с семенами диких растений... Иисус шагает по багряным колючим кустарникам, и они не гнутся. Иисус шагал по рассерженным водам. Когда он стоял на скате изумрудной волны, наш фонарь осветил его белые одеяния и темные пряди.

Я сорву покровы с любой тайны, будь то религия или природа, смерть, рождение, грядущее, прошлое, космогония, небытие. Я -- маэстро по части фантазмагорий.

Слушайте!

Всеми талантами я обладаю! -- Здесь нет никого, и кто-то здесь есть: мои сокровища я не хотел бы расточать понапрасну.-- Хотите негритянских песен или плясок гурий? Хотите, чтобы я исчез, чтобы в поисках кольца погрузился в пучину? Хотите, стану золото делать, создавать лекарства.

Доверьтесь мне! Вера излечивает, ведет за собой, дает облегчение. Придите ко мне,-- даже малые дети придите,-- и я вас утешу. Да будет отдано вам это сердце, чудесное сердце! Труженики, бедные люди! Молитв я не требую; только ваше доверие -- и я буду счастлив.

-- И подумаем о себе. Это заставляет меня почти не сожалеть о мире. Мне повезло: я больше почти не страдаю. Моя жизнь была только сладким безумьем, и это печально.

Ба! Прибегнем ко всем невообразимым гримасам.

Безусловно, мы оказались вне мира. Ни единого звука. Мое осязанье исчезло. О мой замок, Саксония, мой ивовый лес! Вечер, утро, ночи и дни... Я устал!

Мне следовало бы иметь свой ад для гнева, свой ад -- для гордости и ад -- для ласки; целый набор преисподних.

От усталости я умираю! Это -- могила, я отправляюсь к червям, из ужасов ужас! Шутник-Сатана, ты хочешь, чтобы я растворился среди твоих оболещений. Я требую! Требую удара дьявольских вил, одной только капли огня.

О! К жизни снова подняться! Бросить взгляд на эти уродства. Этот яд, поцелуй этот, тысячу

раз будь он проклят. О слабость моя, о жестокость мира! Сжался, господи, спрячь меня, слишком я слаб! -- Я спрятан, и я не спрятан.

Огонь поднимается ввысь, с осужденным вместе.

Бред I

Неразумная дева

Инфернальный супруг

Послушаем исповедь одной из обитательниц ада:

"О божественный Супруг, мой Господь, не отвергай эту исповедь самой грустной твоей служанки. Я погибла. Пьяна. Нечиста. О, какая жизнь!

Прощенья, боже, прощенья! Я молю о прощенье! Сколько слез! Сколько слез потом еще будет!

Потом я познаю божественного Супруга. Я родилась покорной Ему.-- Пусть тот, другой, теперь меня избивает!

Теперь я на самом дне жизни. О мои подруги! Нет, не надо подруг... Никто не знал такого мученья, такого безумья! Как глупо!

О, я страдаю, я плачу. Неподдельны мои страдания. Однако все мне дозволено, потому что я бремя несущая, бремя презрения самых презренных сердец.

Пусть услышат наконец-то это признание -- такое мрачное, такое ничтожное,-- но которое я готова повторять бесконечно.

Я рабыня инфернального Супруга, того, кто обрекает на гибель неразумную деву. Он -- демон. Не приведение и не призрак. Но меня, утратившую свое целомудрие, проклятую и умершую для мира,-- меня не убьют! Как описать все это? Я в трауре, я в слезах, я в страхе. Немного свежего воздуха, господи, если только тебе это будет угодно!

Я вдова...-- Я была вдовой...-- в самом деле, я была когда-то серьезной и родилась не для того, чтобы превратиться в скелет...-- Он был еще почти ребенок... Меня пленила его таинственная утонченность, я забыла свой долг и пошла за ним. Какая жизнь! Подлинная жизнь отсутствует. Мы пребываем вне мира. Я иду туда, куда он идет; так надо. И часто я, несчастная душа, накликаю на себя его гнев. Демон! Ты же знаешь, господи, это не человек, это Демон.

Он говорит: "Я не люблю женщин. Любовь должна быть придумана заново, это известно. Теперь они желают лишь одного -- обеспеченного положения. Когда оно достигнуто - прочь сердце и красота: остается только холодное презрение, продукт современного брака. Или я вижу женщин со знаками счастья, женщин, которых я мог бы сделать своими друзьями,--но предварительно их сожрали звери, чувствительные, как костер для казни..."

Я слушаю его речи: они превращают бесчестие в славу, жестокость -- в очарование. "Я принадлежу к далекой расе: моими предками были скандинавы, они наносили себе раны и пили свою кровь.-- Я буду делать надрезы по всему телу, покрою всего себя татуировкой, я хочу стать уродливым, как монгол; ты увидишь: улицы я оглашу своим воем. Я хочу обезуметь от ярости. Никогда не показывай мне драгоценностей: извиваясь, я поползу по ковру. Мое богатство? Я хочу, чтобы все оно было покрыто пятнами крови. Никогда я не буду работать..."

Не раз, по ночам, когда его демон набрасывался на меня, мы катались по полу и я с ним боролась.-- Нередко, пьяный, он предстает предо мною ночью, на улицах или в домах, чтобы смертельно меня напугать.-- "Право же, мне когда-нибудь перережут глотку: отвратительно это!" О, эти дни, когда ему хотелось дышать преступленьем!

Иногда он говорит -- на каком-то милом наречье -- о смерти, заставляющей каяться, о несчастьях, которых так много, о мучительной их работе, о разлуках, которые разбивают сердца. В труппах, где мы предавались пьянству, он плакал, глядя на тех, кто нас окружал: скот нищеты. На улицах он поднимал свалившихся на мостовую пьяниц. Жалость злой матери

испытывал к маленьким детям. Как девочка перед причастием, говорил мне ласковые слова, уходя из дома.-- Он делал вид, что сведущ во всем: в коммерции, в медицине, в искусстве.-Я шла за ним, так было надо!

Я видела декорацию, которой он мысленно себя окружал: мебель, драпировку, одежды. Я награждала его дворянским лицом и другими чертами лица, Я видела все, что его волновало и что для себя создавал он в воображение. Когда мне казалось, что ум его притупился, я шла за ним, как бы далеко он ни заходил в своих действиях, странных и сложных, дурных и хороших: я была уверена, что никогда мне не будет дано войти в его мир. Возле его уснувшего дорогого мне тела сколько бессонных ночей провела я, пытаясь понять, почему он так хочет бежать от реального мира. Я понимала -- не испытывая за него страха,-- что он может стать опасным для общества.-Возможно, он обладает секретом, как изменить жизнь? И сама себе возражала: нет, он только ищет этот секрет. Его милосердие заколдовано, и оно взяло меня в плен. Никакая другая душа не имела бы силы -- силы отчаянья! -- чтобы выдержать это ради его покровительства, ради его любви. Впрочем, я никогда не представляла его себе другим: видишь только своего Ангела и никогда не видишь чужого. Я была в душе у него, как во дворце, который опустошили, чтобы не видеть столь мало почтенную личность, как ты: вот и все. Увы! Я полностью зависела от него. Но что ему было надо от моего боязливого, тусклого существования? Он не мог меня сделать лучше и нес мне погибель. В грустном раздражении я иногда говорила ему: "Я тебя понимаю". В ответ он только пожимал плечами.

Так, пребывая в постоянно растущей печали и все ниже падая в своих же глазах, как и в глазах всех тех, кто захотел бы на меня взглянуть, если бы я не была осуждена на забвение всех,-- я все больше и больше жаждала его доброты. Его поцелуи и дружеские объятия были истинным небом, моим мрачным небом, на которое я возносилась и где хотела бы остаться,-- нищей, глухой, немой и слепой. Это уже начинало входить в привычку. Мне казалось, что мы с ним -- двое детей, и никто не мешает гулять нам по этому Раю печали. Мы приходили к согласию. Растроганные, работали вместе. Но, нежно меня приласкав, он вдруг говорил: "Все то, что ты испытала, каким нелепым тебе это будет казаться, когда меня здесь больше не будет. Когда не будет руки, обнимавшей тебя, ни сердца, на котором покоилась твоя голова, ни этих губ, целовавших твои глаза. Потому что однажды я уеду далеко-далеко; так надо. И надо, чтобы я оказывал помощь другим; это мой долг. Хотя ничего привлекательного в этом нет, моя дорогая". И тут же я воображала себя,-- когда он уедет,-- во власти землетрясения, брошенной в самую темную бездну по имени смерть. Я заставляла его обещать мне, что он не бросит меня. По легкомыслию это походило на мое утверждение, что я его понимаю.

Ах, я никогда не ревновала его. Я верю, что он меня не покинет. Что с ним станет? У него нет знаний, он никогда не будет работать. Лунатиком он хочет жить на земле! Разве для реального мира достаточно только одной его доброты и его милосердия? Временами я забываю о жалком своем положении: он сделает меня сильной, мы будем путешествовать, будем охотиться в пустынях и, не зная забот и страданий, будем спать на мостовых неведомых городов. Или однажды, при моем пробуждении, законы и нравы изменятся -- благодаря его магической власти,-- и мир, оставаясь все тем же, не будет покушаться на мои желания, радость, беспечность. О, полная приключений жизнь из книг для детей! Ты дашь мне ее, чтобы вознаградить меня за мои страдания? Нет, он не может. Он говорил мне о своих надеждах, о своих сожаленьях: "Это не должно тебя касаться". Говорит ли он с богом? Быть может, я должна обратиться к богу? Я в самой глубокой бездне и больше не умею молиться.

Если бы он объяснил мне свои печали, разве я поняла бы их лучше, чем его насмешку? Напав на меня, он часами со мной говорит, стыдя за все, что могло меня трогать в мире, и раздражается, если я плачу.

"Посмотри: вот элегантный молодой человек, он входит в красивый и тихий дом. Человека зовут Дювалем, Дюфуром, Арманом, Морисом, откуда мне знать? Его любила женщина, этого злого кретина: она умерла и наверняка теперь ангел небесный. Из-за тебя я умру, как из-за него умерла та женщина. Такова наша участь -- тех, у кого слишком доброе сердце..." Увы! Были дни, когда любой человек действия казался ему игрушкой гротескного бреда, и тогда он долго смеялся чудовищным смехом.-- Затем начинал вести себя снова, как юная мать, как любящая сестра. Мы были бы спасены, не будь он таким диким. Но и нежность его -- смертельна. Покорно иду я за ним.-- О, я безумна!

Быть может, однажды он исчезнет, и это исчезновение будет похоже на чудо. Но я должна знать, дано ли ему подняться на небо, должны взглянуть на успение моего маленького друга".

До чего же нелепая пара!

Бред II

Алхимия слова

О себе. История одного из моих безумств.

С давних пор я хвалился тем, что владею всеми пейзажами, которые только можно представить, и находил смехотворными все знаменитости живописи и современной поэзии.

Я любил идиотские изображения, намалеванные над дверьми; декорации и занавесы бродячих комедиантов; вывески и лубочные картинки; вышедшую из моды литературу, церковную латынь, безграмотные эротические книжонки, романы времен наших бабушек, волшебные сказки, тонкие детские книжки, старинные оперы, вздорные куплеты, наивные ритмы.

Я погружался в мечты о крестовых походах, о пропавших без вести открывателях новых земель, о республиках, не имевших истории, о задушенных религиозных войнах, о революциях нравов, о движении народов и континентов: в любое волшебство я верил.

Я придумал цвет гласных! А -- черный, Е -- белый, И -красный, У -- зеленый, О -- синий. Я установил движение и форму каждой согласной и льстил себя надеждой, что с помощью инстинктивных ритмов я изобрел такую поэзию, которая когда-нибудь станет доступной для всех пяти чувств. Разгадку оставил я за собой.

Сперва это было пробой пера. Я писал молчанье и ночь, выражал невыразимое, запечатлевал головокружительные мгновенья.

Х Х Х

Вдали от птиц, от пастбищ, от крестьянок, Средь вереска коленопреклоненный, Что мог я пить под сенью нежных рощ, В полдневной дымке, теплой и зеленой?

Из этих желтых фляг, из молодой Узы, -- Немые вязы, хмурость небосклона,-От хижины моей вдали что мог я пить? Напиток золотой и потогонный.

Я темной вывеской корчмы себе казался, Гроза прогнала небо за порог, Господний ветер льдинками швырялся, Лесная влага пряталась в песок.

И плача я на золото смотрел -- и пить не мог.

Х Х Х

Под утро, летнею порой, Спят крепко, сном любви объаты. Вечерних пиршеств ароматы Развеяны зарей.

Но там, где устремились ввысь Громады возводимых зданий, Там плотники уже взялись За труд свой ранний.

Сняв куртки, и без лишних слов, Они работают в пустыне, Где в камне роскошь городов С улыбкою застынет.

Покинь, Венера, ради них, Покинь, хотя бы на мгновенье, Счастливец избранных твоих, Вкусивших наслажденье.

Царица пастухов! Вином Ты тружеников подкрепи! И силы Придай им, чтобы жарким днем
Потом их море освежило.

Х Х Х

Поэтическое старье имело свою долю в моей алхимии слова.

Я приучил себя к обыкновенной галлюцинации: на месте завода перед моими глазами
откровенно возникала мечеть, школа барабанщиков, построенная ангелами, коляски на дорогах
неба, салон у глубине озера, чудовища, тайны; название водевиля порождало ужасы в моем
сознание.

Затем я стал объяснять свои магические софизмы с помощью галлюцинации слов.

Кончилось тем, что мое сознание оказалось в полном расстройстве. Я был праздным, меня
мучила лихорадка: я начал завидовать безмятежности животных -- гусеницам, которые
олицетворяют невинность преддверия рая, кротам, символизирующим девственный сон.

Мой характер стал желчным. Я прощался с миром, сочиняя что-то вроде романсов:

Песня самой высокой башни

Пусть наступит время, Что любимо всеми.

Так терпел я много, Что не помню сам; Муки и тревога Взмыли к небесам; И от темной
жажды Вены мои страждут.

Пусть наступит время, Что любимо всеми.

Брошенное поле Так цветет порой Ароматом воли, Сорною травой Под трезвон знакомый
Мерзких насекомых.

Пусть наступит время, Что любимо всеми.

Я полюбил пустыню, сожженные сады, выцветшие лавки торговцев, тепловатые напитки. Я
медленно брел по вонючим улочкам и, закрыв глаза, предлагал себя в жертву солнцу, этому богу
огня.

"Генерал, если старая пушка еще осталась на твоих разрушенных укреплениях,
бомбардируй нас глыбами засохшей земли. Бей по стеклам сверкающих магазинов, бей по
Салонам! Вынуди город пожирать свою пыль. Окисью покрой желоба! Наполни будуары
вспыхнувшим порохом!"

О мошка, опьяневшая от писсуара корчмы, влюбленная в сорные травы и растворившаяся в
луче!

Голод

Уж если что я приемлю, Так это лишь камни и землю. На завтрак ем только скалы, Воздух,
уголь, металлы.

Голод, кружись! Приходи,

Голод великий! И на поля приведи

Яд повилики.

Ешьте булжников горы, Старые камни собора, Серых долин валуны Ешьте в голодную
пору.

Х Х Х

Волк под деревом кричал, И выплевывал он перья, Пожирая дичь... А я, Сам себя грызу
теперь я.

Ждет салат и ждут плоды, Чтоб срывать их стали снова. А паук фиалки ест, Ничего не ест
другого.

Мне б кипеть, чтоб кипяток Возле храма Соломона Вдоль по ржавчине потек, Слился с
водами Кедрона.

Наконец-то -- о, счастье! о, разум! -- я раздвинул на небе лазурь, которая была черной, и
зажил жизнью золотистой искры природного света. На радостях моя экспрессивность приняла

шутовской и до предела туманный характер.

Ее обрели. Что обрели? Вечность! Слились В ней море и солнце!

О дух мой бессмертный, Обет свой храни, На ночь не взирая И пламя зари зари.

Ведь ты сбросил бремя -Людей одобренье, Всеобщий порыв... И воспарил.

Надежды ни тени, Молитв ни на грош, Ученье и бденье, От мук не уйдешь.

Нет завтрашних дней! Пылай же сильней, Атласный костер: Это твой долг.

Ее обрели. Что обрели? Вечность! Слились В ней море и солнце!

X X X

Я превратился в баснословную оперу; я видел, что все существа подчинены фатальности счастья: действие -- это не жизнь, а способ растрачивать силу, раздражение нервов. Мораль -- это слабость мозгов.

Каждое живое создание, как мне казалось, должно иметь за собой еще несколько жизней. Этот господин не ведает, что творит: он ангел. Это семейство -- собачий выводок. В присутствии многих людей я громко беседовал с одним из мгновений их прошлого существования.-- Так, я однажды полюбил свинью.

Ни один из софизмов безумия -- безумия, которое запирают,-не был мною забыт: я мог бы пересказать их все, я придерживаюсь определенной системы.

Угроза нависла над моим здоровьем. Ужас мной овладел. Я погружался в сон, который длился по нескольку дней, и когда просыпался, то снова видел печальные сны. Я созрел для кончины; по опасной дороге меня вела моя слабость к пределам мира и Киммерии, родине мрака и вихрей.

Я должен был путешествовать, чтобы развеять чары, нависшие над моими мозгами. Над морем, которое так я любил,-- словно ему полагалось смыть с меня грязь -- я видел в небе утешительный крест. Я проклят был радугой. Счастье было моим угрызением совести, роком, червем: всегда моя жизнь будет слишком безмерной, чтобы посвятить ее красоте и силе.

Счастье! Зуб его, сладкий для смерти, предупреждал меня под пение петуха -- ad matutinum и Christus venit -- в самых мрачных глухих городах.

О замки, о семена времен! Недостатков кто не лишен?

Постигал я магию счастья, В чем никто не избегнет участия.

Пусть же снова оно расцветет, Когда галльский петух пропоет.

Больше нет у меня желаний: Опекать мою жизнь оно станет.

Обрели эти чары плоть, Все усилия смогли побороть.

О замки, о семена времен!

И когда оно скроется прочь,

Смерть придет и наступит ночь.

О замки, о семена времен!

X X X

Это прошло. Теперь я умею приветствовать красоту.

Невозможное

О, жизнь моего детства, большая дорога через все времена, и я -- сверхъестественно трезвый, бескорыстный, как лучший из нищих, гордый тем, что нет у меня ни страны, ни друзей... какую глупостью было все это! Только сейчас понимаю.

-- Я был прав, презирая людишек, не упускавших возможности приобщиться к ласке, паразитов здоровья и чистоплотности наших женщин, которые сегодня так далеки от согласия с нами.

Я был прав во всех проявлениях моего презренья: потому что бегу от всего!

Я бегу от всего!

Я хочу объясниться.

Еще вчера я вздыхал: "Небо! Сколько нас проклятых на этом свете! Как много времени я среди них! Я знаю их всех. Мы всегда узнаем друг друга и надоели друг другу. Милосердие нам не известно. Но вежливы мы, и наши отношения с миром очень корректны". Что удивительного? Мир! Простаки и торговцы! -- Нас не запятнало бесчестие.-- Но избранники, как они встретили б нас? Есть злобные и веселые люди, они лжеизбранники, поскольку нужна нам смелость или приниженность, чтобы к ним подступиться. Они -- единственные избранники. Благословлять нас они не станут.

Обзаведись умом на два су -- это происходит быстро! -- я вижу причину моих затруднений: слишком поздно я осознал, что живем мы на Западе. О, болота этого Запада! Не то чтоб я думал, будто свет искажен, исчерпана форма, движение сбилось с пути... Да... Теперь мое сознание непременно желает постичь всю суровость развития, которое претерпело сознание после крушения Востока. Так оно хочет, мое сознание!

....Но уже истрачены эти два су. Сознание -- авторитет, который желает, чтобы я находился на Западе. Заставить бы его замолчать, и тогда можно сделать свой выбор.

Я послал к дьяволу пальмовые ветви мучеников, радужные лучи искусства, гордость изобретателей, рвение грабителей; я вернулся к Востоку и к мудрости, самой первой и вечной.- Возможно, это только мечта грубой лени?

Однако я вовсе не думал об удовольствии ускользнуть от современных страданий. Я не имел в виду поддельную мудрость Корана.-- Но нет ли реальных мучений в том, что, после заявлений науки, христианство и человек играют с собой, доказывают очевидное, раздуваются от удовольствия, повторяя известные доводы, и только так и живут. Тонкая, но глупая попытка; источник моих возвышенных бредней. Природа, быть может, скушает. Месье Прюдом родился вместе с Христом.

Не потому ли так происходит, что мы культивируем сумрак тумана? С водянистыми овощами мы едим лихорадку. А пьянство! А табак! А невежество! А безграничная преданность! Разве не далеко это все от мудрой мысли Востока, от первоначальной родины нашей? При чем же тогда современный мир, если выдуманы такие отравы?

Служители церкви скажут: "Это понятно. Но вы рассуждаете об Эдеме. Нет для нас ничего в истории восточных народов".-Верно! Именно об Эдеме я думал. Чистота древних рас, что для моей мечты она значит?

Философы скажут: "Мир не имеет возраста. Просто человечество перемещается с места на место. Вы -- на Западе, но свободно можете жить на вашем Востоке, настолько древнем, насколько вам это нужно, и при этом жить там вполне хорошо. Не считайте себя побежденным".-- Философы, на вас наложил отпечаток ваш Запад!

Мой разум, будь осторожен. Никаких необузданных, дерзких решений, ведущих к спасению! Тренируйся! -- Для нас никогда наука не развивается достаточно быстро!

Но я замечаю, что спит мой разум.

Если бы, начиная с этой минуты, никогда б он не спал,-отыскали б мы вскоре истину, которая, может быть, нас окружает со всеми ангелами, льющими слезы...

Если бы, до наступления этой минуты, никогда б он не спал,-я не покорился бы, в незапамятную эпоху, смертоносным инстинктам...

Если бы никогда он не спал,-- я в глубины мудрости смог бы теперь погрузиться.

О чистота, чистота!

В эту минуту моего пробуждения твое виденье предо мною возникло.

Через разум и приходят к богу.

Отчаянное невезенье!

Вспышки зарницы

Человеческий труд! Это взрыв, который озаряет порой мою бездну.

"Нет суеты сует! За науку! Вперед!" -- восклицает сегодняшний Екклезиаст, то есть все восклицают. И однако трупы праздных и злых громоздятся на сердце живых... О, скорее, немного скорее! Туда, за пределы ночи! Разве мы уклонимся от грядущей вечной награды?

Как мне быть? Я ведь знаю, что значит работа, как медлительна поступь науки. Пусть молитва мчится галопом и вспышки света грохочут... Я хорошо это вижу! Слишком просто, и слишком жарко, и без меня обойдутся. У меня есть мой долг, и я буду им горд, наподобие многих, отложив его в сторону.

Моя жизнь истоцилась. Ну что ж! Притворяться и бездельничать будем,-- о жалость! И будем жить, забавляясь, мечтая о монстрах любви, о фантастических, странных вселенных, и сетуя, и понося эти облики мира -- шарлатана, нищего, комедианта, бандита: священнослужителя! На больничной койке моей этот запах ладана, вдруг возвратясь, мне казался особенно сильным... О страж ароматов священных, мученик, духовник!

Узнаю в этом гнусность моего воспитания в детстве. Что дальше? Идти еще двадцать лет, если делают так и другие.

Нет-нет! Теперь я восстаю против смерти! В глазах моей гордости работа выглядит слишком уж легкой: моя измена миру была бы слишком короткою пыткой. В последнюю минуту я буду атаковать и справа и слева.

Тогда -- о бедная, о дорогая душа -- не будет ли для нас потеряна вечность?

Утро

Юность моя не была ли однажды ласковой, героической, сказочной,-- на золотых страницах о ней бы писать,-- о избыток удачи! Каким преступленьем, какою ошибкой заслужил я теперь эту слабость? Вы, утверждающие, что звери рыдают в печали, что больные предаются отчаянью, что мертвые видят недобрые сны,-- попробуйте рассказать о моем паденье, рассказать о моих сновиденьях! А сам я теперь изъясняюсь не лучше последнего нищего с его бесконечными Pater и Ave Maria. Разучился я говорить!

Однако сегодня мне верится, что завершилась повесть об аде. Это был настоящий ад, древний ад, тот, чьи двери отверз сын человеческий.

Все в той же пустыне, все в той же ночи, всегда просыпается взор мой усталый при свете серебристой звезды, появление которой совсем не волнует Властителей жизни, трех древних волхвов,-- сердце, разум и душу. Когда же -- через горы и через пески -- мы пойдем приветствовать рождение мудрости новой, новый труд приветствовать, бегство тиранов и демонов злых, и конец суеверья: когда же -- впервые! -- мы будем праздновать Рождество на земле?

Шествие народов! Песня небес! Рабы, не будем проклинать жизнь!

Прощанье

Осень уже! -- Но к чему сожаленья о вечном солнце, если ждет нас открытие чудесного света,-- вдали от людей, умирающих в смене времен.

Осень. Наша лодка, всплывая в неподвижном тумане, направляется в порт нищеты, держит путь к огромному городу, чье небо испещрено огнями и грязью. О, сгнившие лохмотья, и хлеб, сырой от дождя, о опьяненье, о страсти, которые меня распинали! Неужели никогда не насытится этот вампир, повелитель несметного множества душ и безжизненных тел, ожидающих трубного гласа? Я снова вижу себя покрытым чумою и грязью, с червями на голове, и на теле, и в сердце; я вижу себя расprostертым среди незнакомцев, не имеющих возраста и которым неведомы чувства... Я мог бы там умереть... Чудовищные воспоминания! Ненавистна мне нищета!

И меня устрашает зима, потому что зима -- это время комфорта.

-- Иногда я вижу на небе бесконечный берег, покрытый ликующими народами. Надо мною огромный корабль полощет в утреннем ветре свои многоцветные флаги. Все празднества, и триумфы, и драмы я создал. Пытался выдумать новую плоть, и цветы, и новые звезды, и новый язык. Я хотел добиться сверхъестественной власти. И что же? Воображение свое и воспоминания свои я должен предать погребенью! Развеена слава художника и создателя сказок!

Я, который называл себя магом или ангелом, освобожденным от всякой морали,-- я возвратился на землю, где надо искать себе дело, соприкоснуться с шершавой реальностью. Просто кестьянин!

Может быть, я обманут? И милосердие -- сестра смерти?

В конце концов я буду просить прощенья за то, что питался ложью. И в путь.

Но ни одной дружелюбной руки! Откуда помощи ждать?

Х Х Х

Да! Новый час, во всяком случае, очень суров.

Я могу сказать, что добился победы; скрежет зубовой, свист пламени, зачумленные вздохи -- все дальше, все тише. Меркнут нечистые воспоминания. Уходят прочь мои последние сожаления,-- зависть к нищим, к разбойникам, к приятелям смерти, ко всем недоразвитым душам.-- Вы прокляты, если б я отомстил...

Надо быть абсолютно во всем современным.

Никаких псалмов: завоеванного не отдавать. Ночь сурова! На моем лице дымится засохшая кровь, позади меня -- ничего, только этот чудовищный куст. Духовная битва так же свирепа, как сражения армий; но созерцание справедливости -удовольствие, доступное одному только богу.

Однако это канун. Пусть достанутся нам все импульсы силы и настоящая нежность. А на заре, вооруженные пылким терпением, мы войдем в города, сверкающие великолепьем.

К чему говорить о дружелюбной руке? Мое преимущество в том, что я могу насмеяться над старой лживой любовью и покрыть позором эти лгущие пары,-- ад женщин я видел! -- и мне будет дозволено обладать истиной, сокрытой в душе и теле.

Апрель-август 1873